

СМЕНА

30 КОП.

2-3

ОГИЗ—МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1931

НАСТОЯЩИЙ КАПИТАН

АЛЕКСАНДР НАР

Мне — на Песчаную косу. Ее занесло ином боковыми снастями. У косы иногда бутолина, забитая, точно сливки, лопастью «Пестель» или «Декабриста». Здесь уютно. Ветер гонит Солобойником. Шквал встряхивает пещерель, как подышавший парень встретя в пивушке врага. Сиротливо скудна. Ночи создают тревогу. Суда торжнут. Моряки неуверенно сжимают плечи. Им возвращается зоркость перемежающе-зеленовато-красный пучок света. Штурманское колесо поворачивается немного вправо. Да, мне на маяк. Захар ворочлив. Он не доверяет местным пронырливим людям. Ему хорошо тут, почти соприкасался теменем с макушкой неба.

— Раскурим трубку мира, милый старче. Он скинул выцветшие глаза. Разомал парпосы, распрямил ладони. Щепотка табаку рассыпалась.

— Не любитель я таких нежностей. Трубка-любимичка — это так.

Я убедил его, упрямого. Слова подтолкали мне корве-самолет. Мы поспешили назад. Шуршат листки календарей. Я вижу себя тринадцатилетним мальчишкой, в звуком этого старого бирюка. Чудесно! Забыть стрекочущие линоноты. Чудесно! Распрямить разбитую глядящую доску, которая называется грудью. Море и тучи! Романтикой я обмалал свои веки. Мне только тринадцатый. Я жадно читаю книги о приключениях. Я — повелитель джунглей майка.

Шуршат листки календарей. Старик читает в книге прошлого. Люди! Они приползают сюда в виде толстых вонючих насекомых. С толстыми шеей и блестящими капитанскими зногатами. Обязательно с милями. Обязательно с водкой и провансом. Обязательно с золотушными детками.

Люди спускались, жалуды, по винтовым лесенкам. Испуганно скашивали глаза на синюю глубину моря. Пищали и визжали мышки. Лесенки сгибались под ногами сотен. Люди спускались и шли прочь. Они! — господа,

господа с большой буквы, загадили книгу майка.

«Здесь были и подку пили. В коблассе слишком много чеснока. Икалось. Игнат Порфирьев».

«Я умерла бы от ужаса, если бы осталась хоть на одну ночь. Почему кстати сторож не продает прохладительные напитки? Ина Цвингина».

«Порядочному человеку никаких порядочных удобств. Месье Пеликанов не заботится об удобствах вверенного ему культурного общества. Заявляем решительный протест и категорически требуем устроить подёмку. Чинювник особых поручений при его светлости градоначальнике Сосновском. Кого Аксеитский».

«Фи... Начальник давно не брися и старик... Ужас... А я так мечтала выболиться в душку-смотритель задумчивого майка. Наденька Оловякина, ученица VII класса женской гимназии».

Толстые вонючие насекомые, называемые людьми, заблудили во все углы. Я хватаю утлый чедл головы мешанского ублюдка. Мучаю его и щиплю. Бессознательная классовая ненависть! Мне душно от хохота. А он плачет, плачет, размазывая частые слезы.

В порту церковка. Плутватый Иона овладел ею. Он устроил смешные выставки фальшивых чудес. Сегодня родилась царница. Повисают в честь ее штандарты. Малиновые звонки несутся с колокольни. Свора пияниц танцует на меду. Фараоны будто бы вросли чугунными задками в землю. Косматые хулиганы бродят с кистенями и нагайками, размазывая евреев и особенно евреек.

Дядька Захар мелко крестит лоб, слушая звонкие перемыны. Я, тринадцатилетний отважный охотник в джунглях заваа, оперся на разрывоанные перья, щиплю ноздри. Широкий в костях, обемистый, жирный купчина зовет меня. От него пахнет водкой и луком.

— Зеленьку не часто видишь зря. На! — он хрустит трехрублевой. — Прыгавый виз. Один байструком меньше станет, не велика бедня.

Сияет синия глубина моря. Кружится голова. Пухлая, волосатая рука, как у тарантула, оттаскивает меня от цемента. Я с радостью погружаю в нее зубы. Сволочь! Вскрию — жирный податальщик. Но я далеко внизу. Хватаю утлый чедл головы мешанского ублюдка и с большим удовольствием пробую его крепость об стену. Вечерет... Свора пияниц танцует на меду. Проститутки идут добычи. Горланят непристойные песни. Косматые люди с кистенями, захлебываясь слюной, кричат:

— Бей жидов, спасай Россию!

...Я слунул карточник домих прошлого. Дядька Захар ударил кулаком по бревенчатому столу.

— Тошнит меня, как бабу в шторм, когда растепожишь свою память. Кроме моряков не было настоящих тогда людей. Кулпы, дамочки, стержа всякая. Этим бы водочка да за зеленьку сплунуть малого ребенка в море...

Дядька Захар вытолкнула карма минувших дней! Скажи, старче, почему у тебя рядом с иконой задумчивый Ленин?

— Почему спрашиваешь? Я снова на корве-самолете. Я уже не человек с торчащей записной книжкой. Хорошее мне, коротконогую, с длинной отгагой.

В городе топала офицер. Аккурат-разведки хватала первых попавшихся. Дымил снаряд восстания.

Ночи наполнялись голосами, выстрелами и пьяными песнями. Нам нет дела до встревоженного города. Мы бережем свет маяка. Мы сторожим жизнь моряков.

Ночью затряслась кованая дверь. Дядька Захар старо сказал:

— Христиане? Благословите грудь крестом...

Человек вступил скули. Ему было нелегко держаться на ногах. Рука сочилась кровью.

— Христиане, дедушка.

Их было двое. Они принесли к нам тревогу и нетерпение. Мы остановили кровь. Биты легли на рану. Дядька Захар жевал лько спантели. Человек осторожно ему напомнил:

— Убивают, дедушка. Сволочная контра нтраврила на нас своих борзых. Чудак твой Исус, дедушка, он давно напелся эполеты и пишет новое евангелие чернилами из нашей крови.

Два дня мы стерели невзванных гостей. Утром их не стало. Они снова нырнули в буйную реку дней, оставив книги про Ленина. Прощальные их слова упали зернами в всеенно пашню:

— Большевиком будешь, дедушка!

Снаряд восстания разорвался. Вышла, поднималась, росла, росла песня. Всю сволочь прогнали на суда. Песня металась с повстанческих кос на пулеметные тачанки.

Офицерик молодой,
Куда котихся,
В губчик попланды
Не веротиськи!

Нам нет дела до встревоженного города. Мы оберегаем свет маяка. Мы строим жизнь моряков. Если не взорвется до срока лампа — провойдет беда.

Опять затряслась кованая дверь. Мы при-таились в уголке. Голоса надрываются.

— Мать!. Мать!. Мать!. Сукни кот, открывай!

Мы защищаем жизнь моряков. Нам нельзя открывать дверь. Глухо стукнула выстрел.

Еще один!.. Еще!.. Пули, точно осси, прыгали вокруг нас. Кажется задевают. Дядька Захар молчит. Шелкнул замок. Вкатилась офицерская бражка.

— Защищайся, большевистская дрянь!

Кто-то ударил косточками пальцев старика. Дядька Захар вытер кровь, которая брызнула изо рта.

— Вино, контрабанду, шевелеси, осминоги! Они пили вино, которое мы берегли для спасенных моряков. Они матюгались и мучили старика. Самый главный преград!

— Разбить все лампы. Большевиком дуля будет.

Дядька Захар бросился им в ноги. Он рыдал и горько проклинал свои слезы. Его оттолкнула тяжелый каблук. Старик понесся по лесенке. Он встал около ламп, угрожающий, вне себя. Его ударили ручкой нагана. Ему крикнули:

— Большевистская зараза!. Укодаем в омент!..

Рабочий отряд перешел офицерню. Дядька Захар медленно подошел к самому главно-

К Р А С Н А Я П Л О Щ А Д Ь

СТИХИ А. ОЙСЕНДЕРА

Как по команде,
локоть в локоть
встанут работники страны.
Как маска,
Стягивает щeki
полярный ветер.
В две струны
поют заснеженные рельсы
и стекла инеем цветут.
Ногой
заранее прильнешь
и —
в пультман
прыгая на пелу!
В такую стужу,
чуть дыша,
Верхари
замерз бы
и
Уитмен,
а
у меня —
широкий шаг
и кровь
стучит
в спокойном ритме!
..Туман.
Над площадью —
огни.
Тяжелое
поплочет знамя.
И черно-красный
мавзолей
хранит того,
кто мертв,
но с нами,
чья воля
бордствует
в Кремле.
Его дыхание
мы слышим,
его шаги
горят, горят
на ледяной земле —
и дыше
ГОЗЛРО
свежая заря!
Гранит
в морозной паутине
и часоме,
как всегда,
напоминают ствуть...
Стынет
ишь шашек
твердая вода...
Так каждый день
хожу я
мимо,
чтоб вновь увидеть
мавзолей.
Его присутствием
хранима,
земля
мне кажется теплой.
Иду,
и кровь
во мне
звенит,
как
торопливая волна.
Я знаю,
есть всего одна
страна —
простая,
как границ!
И ей —
работники нужны!
Друзья!
Не выйдем страны!
Нам, комсомольцам,
не годится
робеть...
— Построился!
Затем
давай,
товарищ,
так трудиться,
чтоб дать
недостатку темп!
Чтоб были
выданы стране
чугун
и яростная нефть,
и уголь кузбасский,
и ситец,
чтоб пароходы
на спине
носили спокойный
Ненасыти!
Но если
в мирный обиход
вернется пенья
пуль, —
я знаю:
последний
выдержит поход
моя винтовка нарезная.

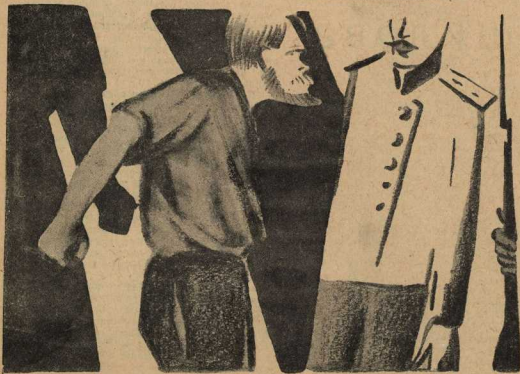

Рис. Е. Якубовича.

му. Развернул руку и тяжело ударил его по суетливому лицу. И засмеялся:

— Большевиком стал.

С того времени обломком катящийся годы. Маяк в срок загорается красновато-зеленым светом. Штормы и ледяные бури сорвутся маяк. На шлюпки не добраться до него. По льду не дойти. Семь дней или десять дядька Захар в одиночестве. Харчей не достает. Ветер гудит, гудит!.. Но в назначенный час печаль-ные тучи прорезает красновато-зеленый пучок света. Дядька Захар сторожит жизнь моряков.

— Почему, спрашиваешь, рядом с иконой Ленина? Настоящий это капитан. С ним корабль наш плывет в бурю. А что за жизнь моряку без бури.

Подумал и прибавил:

— Большевиком стал...

Когда-нибудь я потеряю записную книжку. Торопливо поползу по винтовой лестнице. Увижу лампы и услышу гик ветра.

— Здорово, дядька Захар! Я не пришла потрошить ядешь с тобой карпа проведших дней. У меня больше нет желания исписывать строки травяными стычками.

Ветер начнет сердиться. Ледяные бури закут нас в кандалы одиночества. Я знаю: маяк надежд неугасимый. Ге-ей, моряка, коуче курс на бурю! С нами настоящий капитан. И всегда падает маяк.

Полувековой путь

ОЧерк К. АЛТАЙСКОГО

Ворошилова

В феврале этого года Кириллентю Ефремовичу Ворошилову исполнилось 50 лет. Полувековой путь Ворошилова ознаменует суровой романтикой — большевистского подполья, насыщенный пороховым запахом первых забастовок, баррикад, революции и глумом гражданских войн. На примере ворошиловской жизни будут воспитываться интернациональные отряды пролетарского юношества, ударники мировой революции и социалистической стройки.

Идя в авангарде своего класса, занимающий ответственные посты, К. Е. Ворошилов ни на один час не порывал кровной связи с рабочими классом, с заводами и шахтами, его выдвинувшими.

Он отлично знает о состоянии родных заводов, следит за их сложной жизнью, а если надо — вмешивается... В Луганске К. Е. Ворошилов — бесменный член горсовета и парткома. Неразрывный узавши связан седоюший нарком с пролетарским Донбассом.

Родина Ворошилова — село Верхнее на Екатеринославине. Дата рождения — 5 февраля 1881 года. Детство он провел в старой грязной хате с низким потолком, с глиняным полом.

Отец работал то в пахотах, то у помещика в батраках, то на железной дороге. Отец имел независимый нрав и поэтому часто менял места работы. Мать стирала. Жили бедно. Трудовая жизнь маленького Ворошилова началась с 6—7-летнего возраста. Он пас скотину, собирал колечки, был поводырем у слепца.

В соседнем селе Васильевке открылась земская школа. Два года этой школы — этим ограничилось образование Ворошилова. Но в школе он сблизился с Рыжковым — развитым, передовым учителем. У Рыжкова маленький Ворошилов достает книги: Шевченко, Гоголь, Некрасов, Лев Толстой... Си читает за днем, и книги дают мощный толчок его развитию.

Учится некогда. Ворошилов попадает в школу тяжелой индустрии — на Алчевский завод Дюмо. Поступил на завод мальчиком, он через полгода становится машинистом крана.

Рабочий класс — молод. Он еще выживает классовое самосознание, накапливает организационный опыт. Отсюда — на Екатеринослав, из Харькова, из Питера подают смутные слухи про революционеров. Смущенный, развитой

Ворошилов становится объектом внимания полиции.

В 1898 году на заводе Дюмо оформился подпольный революционный кружок. В числе организаторов его были — Ворошилов, Пузанов, Параньч, Галушко. Вскоре Ворошилов становится вожаком алевского подполья.

Завод возбуждается. Новько на стенах появляются листовки. Кто-то деркий энергично распространяет боевую социал-демократическую литературу. Завод неудержимо идет к забастовке.

Эта первая забастовка на заводе Дюмо, которую возглавил Ворошилов, кончилась разгромом подпольной организации. Капитализм, ошарашившись на держимор царского строя, был зубаст. Кружок развалили. Руководителя его (первым долгом Ворошилова) прогнали с завода.

Три года Ворошилов, терпя жестокую нужду, бродит по Донбассу без работы. У него — вольный паспорт. Ему не дают даже черной работы. По пятам следуют шпики.

В 1903 году Ворошилов устраивается в Луганске на завод Гартмана. Здесь он сразу же входит в подпольную социал-демократическую организацию. Его вводят в подпольный комитет. Не было ни одного участка работы подполья, где Ворошилов не был бы в первых рядах, на самых опасных местах. Он руководил инициативными митингами в массовках, сам писал, редактировал, распространял листовки и воззвания.

Работать приходилось ему исключительно ночами и по праздникам. Дни отнимал завод. Луганские рабочие сразу оценили Ворошилова.

В зрелых жарницах поднимались, вел на первый штурм рабочих и крестьян пятый год В Луганске, в сердце Донбасса, этот год ознаменовался мощной, хорошо организованной забастовкой.

Забастовка, вспыхнувшая в феврале 1905 г на заводе Гартмана, готовящаяся под руководством Ворошилова. Она окончилась победой. Дирекция пошла на уступки. Было создано Делу-атское собрание (читай: Совет рабочих депутатов). Председателем этого первого в Донбассе совета избирается Ворошилов.

К июлю 1905 года готовится новая забастовка. Дирекция, полиция, жандармерия — этот проклятый «треугольник», объединенными усилиями организуют разгром движения. Многочисленные митинги расстрелявают. Рабочие бросаются в реку и впасть спасаются от полицейских пуль. Ворошилова ловят.

Луганские слесари дают слово добиться освобождения своего вождя. В декабре 1905 г. под угрозами многотысячной рабочей демонстрации власти вынуждены были освободить Ворошилова.

Прямо из тюремной камеры он попадает на рабочий митинг. Его твердая большинствоевая речь звучит боевой программой дальнейшей борьбы.

Слесари, литейщики, крановщики, штамповщики, шахтеры напряженно слушают его.

— Так... Так... Верно, Володя.

«Володя» — подпольная кличка Ворошилова.

В 1906 году по ворошиловскому приказу боевая дружина сжигает старую луганскую тюрьму. В глухие годы реакции ленивец-большевик Ворошилов удаивает свою революционную деятельность.

Си председателем в депутатском собрании, которое работало и в 1906 году, руководит профессиональным обществом рабочих завода Гартмана.

На IV Стокгольмском съезде партии Ворошилов встречается с тов. Арсением — М. В. Фрунзе, — там же впервые он знакомится с учителями своим — В. И. Лениным.

Съезд — объединенный. На съезде много меньшевиков. Но здесь Ворошилов, как никогда, чувствует себя ленинцем.

«Только после Стокгольмского съезда считаю себя оформившимся большевиком», говорил впоследствии Ворошилов.

Из Стокгольма Ворошилов едет с твердым намерением вооружить Донбасс, поднимать Донбасс, готовить Донбасс к революции. Настает, пули, виски, клинья. Россия истекать кровью. Кровью цементируется основа трог.

...В октябре 1907 года в тюремном вагоне Ворошилов был отправлен в трехэтажный сылку в глушь Архангельской губернии.

Как только выпали глубокие снега, руководить архангельские шахты, он совершает побег. Но в Луганск являться нельзя. В Питере — опасно. Ворошилов едет на Каспий, в Баку. Там большевистское подполье возглавлял т. Сталин. Там были тт. Шаумян, Джапаридзе.

Ворошилов вводит в подполье комитет. Осенью 1908 года, уже в Петербурге, Ворошилова снова арестовывают. Он в «Крестях». Потом... снова тяжелый путь в архангельскую глушь.

В Холмогорах Ворошилов организует сыльных. За это он попадает в тюрьму, где за 11 месяцев проводит пятнадцатую, а потом восемнадцатую годовщину.

Ссылка тянется до 1912 года. Освободившись, Ворошилов появляется в Азгеске. Он короткое время заведует кооперативной рабочей ячейкой.

И снова его арестовывают.

Три месяца Ворошилов сидит в каменном мешке за рижской решеткой, а потом поезд уносит его в Чердынский край, в сымаку.

Оттуда он освобождается только в 1914 г. и складывает парижское большевистское подполье. Война уже идет. Парижские большевики разработали перед рабочей массой ее действительные трудности и причины. Они развешивают патристические лозунги.

Ворошилов грозит царская солдатчина. Он бежит из Парижа в Петроград. Здесь поступает на завод Кургалай. 1915—1916 год Борозовых в большевистском подполье. Косирица. Селека. Обласки. Допросы. Тайные собрания. Горичие речки.

В феврале 1917 года Ворошилов — активнейший член бюро фракции большевиков в Питерском совете.

А в Донбассе, в Луганске, меньшевики и эсеры ходят именниками.

Из рабочего Луганска летят сфабрикованные приказаниками капиталистов верноподданническими телеграммы Александру Федоровичу Керенскому. Заключенный в божь Ворошилов рванулся в Луганск.

Вскоре телеграммы Керенскому прекратились. Потом полетела резолюция луганских заводов, в которых языком классового гнева говорилось, что дуганы не доверяют Керенскому, истребят и К.

В ноябре Ворошилов снова в Петрограде. Вместе с Феликсом Державиным он работает по организации ВЧК. Но его, старого донбасца, снова тянет к гигантам индустрии, к шахтам.

Начало гражданской войны застаёт Ворошилова членом президиума Совнархоза в Харькове.

...Немецкие каски колыхаются над степными шляхами. Сапог оккупации наступила Украине на горло.

Один за другим сдаются города. Немецкие полки почти церемониальным маршем подходят к Донбассу. По стальным магистралям несутся в Германию поезда, нагруженные пшеницей и колхозной рухляк.

«Неужели Донбасс, пламенный, ярчайший, антрацитовый Донбасс, советская кокачерка, станет угольной базой зубастого немецкого империализма?»

Шахты поднимаются. Шахты берут винтовки в обухи. Маховская, Рабовайн, степная заенит чашушка:

Украина страна
Па зборобна...
Люб неку отгад...
Сава гласавна...

Наперекор степной «стихий, наперекор «блочку-песню» разнеслась горячая рабочая погулка донбасских шахтеров и металлургов:

Сымак и в бой подем
За власть советов...

Ворошилов уже в Луганске. Он организует первый Луганский социалистический партизанский отряд. Он добил, скотилин, оборудовал два броневика.

Луганский завод знал и любил «товарища Володю». Лучший материал дал завод на броневики. Лучший людской материал дал завод в отряд. Броневеки понесли в бой.

Отряд т. Ворошилова явился одним из первых, одним из лучших отрядов, которые вывели Донбасс на защиту шахт и заводов.

15 апреля 1918 г. Ворошилов получает назначение командовать V Украинской армией.

Дон поднимает знамя контрреволюции. Враги напугают со всех сторон.

Десятки тысяч рабочих с женами, детьми покидают шахты и шах, но не сдаются.

Организовать, сплотить, дисциплинировать и возглавить эту многоотраслевую лавину берет с т. Ворошилов. Он встает во главе гигантского людского потока. Он ведет донбасский люд с Дова на Волгу, в Париж, где оборону организует т. Сталин.

Разрозненные части объединяются в X армию. Командармом назначается Ворошилов. А в мае 1919 года Ворошилов уже назначается командующим действующими войсками Харьковского военного округа и блестяще справляется с задачей ликвидации банд батьки Григорьева.

«Чтоб дать отпор врагу, чтоб победить, нам нужна кавалерия. Мы должны учиться у врага, мы должны создать свою сильную конную армию», — так говорит т. Сталин, будучи членом Реввоенсовета южфронта.

В конце 1919 года была создана Первая конная армия. Командармом ее был Буденный, а членами Реввоенсовета тт. Ворошилов и Шаденко.

Если Буденный олицетворял военное руководство Конной, то Ворошилов — политическое. Удивительно дружная, слаженная работа Ворошилова и Буденного встает перед нами как яркий пример сплочения рабочего класса и трудового крестьянства. Весь тысячелетний боевой путь Первой конной Ворошилов прошел в рядах конников.

Осуществляя партийное, пролетарское руководство, Ворошилов сквал в Конармию крепкую дисциплинированную парторганизацию, без которой Конная не была бы такой, какой мы ее знаем.

— Мою армию называют буденновской, — говорил т. С. М. Буденный, — а сам я — ворошиловец.

Конная армия, руководимая Буденным и Ворошиловым, нанесла сокрушительные удары белополкам, Врангелю и окончательно ликвидировала банды батьки Махно.

НА 2-й МОСКОВСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ВЛКСМ.

прыгай

С. ГОРСКИЙ

«Буржуазные революции, как например революции XVIII века, быстрее стремятся к успеху к успеху, их драматические эффекты более значительны, люди и события как бы озарены бенгальским огнем, экстаз является господствующим настроением каждого дня; но они быстротечны, скоро достигают своего высшего пункта, и продолжительное настроение похмелья охватывает общество, прежде чем оно успеет трезве усвоить все результаты периода бури и натиаска. Напротив, пролетарские революции, каковы революции XIX в., непрерывно крикуют сами, себя, по-и-де-де, прерывая свой ход, возвращаются назад и заканчивают то, что повидному уже совершенно, с беспощадной суровостью осмеивают половинчатость, слабость, недостатки своих первых попыток, и наоборот противника, как-будто бы для того, чтобы он избрался новых сил и встал перед нами еще более могучим, все снова и снова отступают назад, пугаясь неопределенной колоссальности своих собственных задач, пока наконец не будут созданы условия, исключающие возможность всякого отступления, пока сама жизнь не займет властно:

«He Rhodus, hic salita!»

Седой Кржижановский читает отрывок из Маркса «18 брюера Луи Бонапарт».

«He Rhodus, hic salita!»

— Здесь Родос, здесь прыгай!

Вот он, решительный прыжок из царства необходимости в царство свободы; по правую руку докладчика большая карта, а на ней отмечены электростанции, проектированные по плану ГОЭЛРО, по левой руке другая карта — на ней электростанции, построенные, строящиеся и проектируемые по пятилетнему плану. На первой карте легко считать кружки, на второй они нарисованы туже, сваме кружки толще (киловаты ватт), в отличие от «драматических эффектов буржуазных революций, социалистическая пролетарская революция озарена не бенгальскими огнями, а мощными электросолнцами. Гений Маркса предвидел это. Пролетарская революция XX века уже не прыгает «колоссальности своих собственных задач, «сама жизнь» уже заявляет властно: «здесь прыгай».

Вот почему Глеб Максимилианович, делая доклад о десятилетии ГОЭЛРО, цитируя Маркса, заявляет, что цитируемые слова применимы не только к политической борьбе пролетариата, но и к его хозяйственному строительству.

Были (и есть еще) люди, не повиные властного требования жизни, были они даже в числе специалистов — составителей плана ГОЭЛРО. Но об этом рассказывал Кржижановский. Один злобно говорил о «бреде жестоких фантазиков», другие в ус подсмеивались над «фантазиями быльиановцев», а третьи, подобно одному из пригласенных к составлению плана ГОЭЛРО, пожимали плечами по поводу неопределенности большевиков, дерзавших мечтать (или мечтающих дерзвать) о подобных планах:

— Кржижановский пишет электростанция, а надо электростанция, большевистский пролетарий грамота не знает, — подсмеивался какой-то специалист. А если так, можно это слово еще иначе написать: электростанция.

— Надежды на неграмотность не оправдались. Этой транскрипции большевики не допустили, они сумели воспрепятствовать превращению электростанция в фикцию.

Многие кружки на карте — это уже не нарисованные кружки, а мощные турбины, гигантские фабрики тепла и света.

Назад, назад! Борьба! Всем правилам репортажа делая четвергеконевый прыжок назад, о тысяча девятьсот пятый.

Погасил газ, погасило электричество.

И спрятался его величество

Это строчки Солдуба о первых громах революционной грозы. «Погасло электричество. Стоп, снова вперед: возвращаемся в сегодня. Теперь поэты пишут о кивалотатах, о турбинах, о ярко горящих электростанциях, о мощных потоках электрического тока, орошающих советскую землю. Таков размах революции. От первоначальной фазы разрушения она перешла к высшему созданию. Не сразу перешла. Лавдатель! Вот одно из посланий Восьмого всеароссийского съезда советов.

... Затихают раснаты революционной грозы. Электростанция. Громадая карта на сцене Большого театра и на ней, как в сказке, вспыхивающие красные огни и искорки, из которых разгорятся мощные кистри тепла, света, энергии, изобилия. Сельское хозяйство, его возрождение. Гидропоток. Снова сельское хозяйство. Уголь, Донбасс...

Новомосковец Чурин за сварной номука для трансформатора. Москва, Электроставод.

На этой же сцене Большого театра в 1920 г. на Питом, но уже Всесоюзном съезде советского огромная карта. Снова зажигаются огоньки... Звездочки угольных шахт, красные и голубые кружки электро- и гидроэлектростанций, зеленые квадратники совхозов, красные змейки железных дорог... Это огни сегоднейного дня и близкого пятилетнего завтра. Многие из них уже горят не на карте, а ослепительными огнями выстроенных электростанций, заревом доми, семафорами Турксиба. Уже много «красных огоньков, искорок мечтаний и фантазий» рукой переписаны с той первой карты на подлинник карты (масштаб 150 миллионов), на лицо советской земли.

Когда Уэльс в 1920 г. посетил Москву, побывав в Кремле, поговорив с Лениным, он напечатал книгу, которая называлась Ильича «кремлевским мечтателем». Великая картина Ильича казалась ему буржуазному писателю мечтаниями, превосходящими даже его, Уэльсову, фантазию. Уэльс слышал о плане ГОЭЛРО. И свою книгу он назвал «Россия во мгле!» Синодальный скептицизм Уэльса омен, удачно изображен Кирсановым в его прекрасной поэме «Пятилетка»:

Ловко придумано:

«Го-Эль Роо»...

Погода их не просчитает им...

Электро-Россия!

Каков перо

У вас,

кремлевский мечтатель!

Гражданин Герберт Уэльс, во оказался правы, но с оговоркой. Ваша фантастика действительно оказалась превзойденной, но не мечтаниями, а реальной действительностью. «Россия», г. е. «Сторо-ли» во мгле! Ни в прошлом, ни в переиском смысле! За минувшие 10 лет выстроено 23 районных электростанций, 1300 тыс. киловатт освещает грядущие 7 млн... Не во таме, не во мге праздновали десятилетие ГОЭЛРО, из которого родилась пятилетка. Строну «электро-Россию» и так строим, как никакому Уэльсу не сфантазировать. Днепропостр например побивает мировые рекорды. Побывавший на Днепропостре американский специалист — человек, говоривший на одном языке с Уэльсом, — так отзывался о кладке бетона на Днепропостре: «Лавина бетона, которая катилась на моих глазах!»

Лавина, вы слышали, лавина! Кто может остановить лавину и где теперь основание не верить Кржижановскому, когда он 25 декабря 1930 г. так закончил свой доклад в Колонном зале Дома советов:

«Мы еще найдем такой документ, который так будет превосходить пятилетний план, как сегодня пятилетка превосходит ГОЭЛРО. Во силы, все знания «на горя» нового генплана!»

Еще одно последнее нарушение правил репортажа. Сказано в будущем. Тот же Колонный зал на 1940 г. Нестарожий Кржижановский отчитывается о том, как идет выполнение генплана. На стенах каким-то ярчайшим, но не слышимым светом горит азбука: «Выполнили генплан в девять лет».

В публике, вот здесь, в третьем ярусе спуда, видна знакомая этому залу прыска Рамзина, но только уже седая. Он в 1937 г. вышел из заключения (досрочно был выпущен в связи с амнистией по поводу окончательной победы революции в важнейших странах Европы и Азии). Он время от времени кидает взгляды в сторону Кржижановского, затем на карту, где Ангартроф значится в числе уже заканчиваемых сооружений, потом опускает голову и о чем-то напряженно думает. А соседи перешептываются друг с другом.

— Как хорошо, какое счастье, что этот, чья седина сейчас слегка высея, тогда не успел, не сумел...

И словно в ответ на этот шопот доносится огулиственные радиосигналы из Кельна, Калькутты, Каттона. Народы слушают на разных языках передаваемую трансляцию из Колонного зала.

Прыжок в «царство свободы» совершен.

Наконец, снова назад — в сегодня. «Выполнили пятилетку за четыре года». «Коммунистическая советская земля плюс электростанция». Катится лавина бетона на Днепропостре.

Здесь Родос, здесь прыгай!

ЗАВОЕВЫВАЕМ ЭНЕРГЕТИКУ

ОМЕРК А ДОЛЬБА ПРИНЦА

1. ПО ШЛАЗАМ СТАРОЙ МАРИНКИ

От Белозерска до Новгорода

Белое озеро да Ильмень. Их не так уж скоро найдешь на географической карте. Путь от одного до другого далек — километров семьсот верных. Для туриста-месячника, слушающего на Волгу, интересно проехать так: Новгород — Волховстрой — Новая Ладога — Свирица... От Свирицы, дельты Свири, минуя Ладожское озеро, поезжайте вверх по Свири до бурной Онеги. Оттуда Маринским каналом до Белозерска, там в Шенсуй, а дальше уж рукой подать до Волги.

Мне этим летом пришлось ехать по этой магистрали, только ехал я из Белозерска на Новгород вверх, против течения... Ехать пришлось от старого к новому.

Вот Белозерск. Царь Петр обладал большими организаторскими способностями, и этого у него отнять никоим образом нельзя. Строй Петербург, он думал о хлебе для него. Потом, строя Петербург, каали в то же время путь на Волгу. Там возник из дикой речонки Вульвий канал. Он соединил Волгу с Невой, каспийское море с Балтийским. Выросла система искусственных и естественных водных путей — новый торговый путь, золотая жила в руках растущего русского капитализма. Белозерск — один из главных пристаней на этом торговом пути.

Шлозы

До сих пор сохранилось название Маринская система, до сих пор на Петровском селе (на полуострове от Белозерска до Вытегры) стоит монумент с гордой надписью: «Петрову мысль Мария совершила».

Раньше был старый Петровский канал. После многих лет он потребовал расширения, и министерство путей сообщения сумело через императрицу Марию раздобыть денег на расширение канала. Потому он и Маринский. Только беспомощная эксплуатация местного населения, завершенного силой приказа на работу, только работа из-под палки, работа «на ура» — за водку помогла чиновникам и купцам выпрямить реку Вытегру, связать ее напор лестничной шлозы. Плотины на Кавусе — вот главный водоем, регулирующий ход воды по шлозовоной системе.

В одном месте, между Деветиными и Вытегрой, шлозы особенно часты, река заставила кое-где на одном километре делать два и три шлозы. Здесь за восемь часов пароход проходит только 24 километра. Тихо подходит пароход к шлозу. Ворота шлозы закрыты, клинкет равняют воду. Наконец ворота откатываются, вручную закрывают. Пароход в шлозе стоит 15-20 минут, покада клинкет нижних

ворот выпустят из шлозы воду и опять откатают нижние ворота. Длинная, унылая процедура.

Нефть «Бр. Нобель»

Торговая фирма «Бр. Нобель» — нефтяные короли царской России — вот, кто главенствовал в караванном судоплывании по Маринской системе. Железные, налитые нефтью баржи в первую очередь двигались на тогдашний Петербург. За Нобелями важно тнулся баржам лес: «Громов и К°», «Кавказ и Моркюрри», а следы «петушком, петушком» подбавлял двадцатисажени Жеребцовых, Коневских, разных Сукныхих... Вся эта компания хищнически грабила окрестные леса. Гибло лесное хозяйство. Стада пароходов, все время рыскающие по заводом и привалам рейсам, съездили за одно лето сотни гектаров леса. Теперь многие пароходы отапливаются нефтью.

«Ну, тащися, Сивка»

- Реку запрягли.
- Нет, река запрягла!

Такой разговор пришлось слышать одному из путевцев, заканчивающих строительство канала. Да, в шлозовоной системе запряжена река и запряжены лошади. Если пароходы идут с баржами до первого шлозы (Вытегра), то до последнего (Белозерск) баржи идут под бечевой за лошадыми. Такой способ передвижения судов в этой части системы остался в силе и по сей день. Ничего не поделаешь — шлозы коротки, шлозы не пускают в себя сразу баржу с пароходом. Пробовали в прошлом году вместо лошадей пустить по берегу тракторы... Тянет хорошо, только берет домает, берег надо крепить, а эта работа сейчас не по силам. В наши годы плата за тягу судов нормальная, и крестьяне, занимающиеся этим делом, соблюдают между собой очередь. А раньше хозяинчики за стог и тягу судов платили втридорога; ясное дело, крестьянин, имеющий пять-шесть лошадей, наживался в одну навигацию, а тот, кто имел одну, зачастую домой без нее возвращался. Были даже «тягловые откупщицы» — поставщицы лошадей и людей. Так росли из поточеним начальства купчики, так влачили жалкую жизнь бедняки — деревенские пролетарии, обремененные полугодолгой семьей. Оправдание этого неравенства была только клинкет «лодыри». Мне рассказывали, что многие из этих «лодырей» давно уже стали колхозниками и интеллигентами. А домки бывших десятников, подпрыдывая ехидно смотрят во все окна на реку, так же ехидно, как бывшие купчики Поляинские, Лопаревы, Дикины.

II. У ИСТОКОВ СВИРИ

Лошадина фамилия

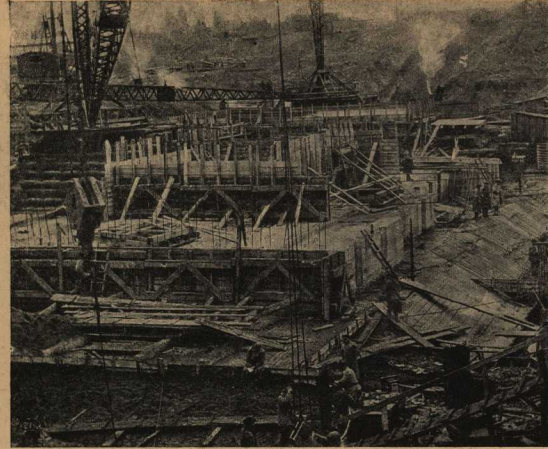
Последние семьдесят километров Маринского канала перед началом Свири примечательны только своей беспомощностью. — Здесь километры длиннее, но очень узкие, — острит пароходные пассажиры.

Для острот тут широкое поле. Но беззаботная острота не помогает покончить с отсталостью водного транспорта. А отсталость здесь сказывается во всем. Канал настолько сузился, сплылся от времени, что частенько пароход косяком задевает за прибережные камни. И названия идущих навстречу пароходов бешут такими «лошадными фамилиями», что диву даешься: «Уклебка», «Свистулька», «Террор», «Бри», редко попадается какойнибудь «зеленый с гордым названием «Роза Люксембург» и опять идут: «Стрекава», «Пожарный» или что-нибудь в этом роде. Управление Севзапгосречфлота не задумывалось поиндому ни разу, о том, какие клички носят рабочие пароходы. Должно быть некому придумывать советские имена. Поэтому только железники бывшей фирмы «Нобель» в последнюю навигацию лишены своих прежних имен и идут под номерами.

Старые шлозы и плотины ремонтируются, все они выглядят идеально чистенькими, но они стары, как подмерзшие галоши. Вопрос о переустройстве шлозовоной системы поднимался уже не раз. Ежегодно по берегу канала, по шлозам и длинным вымосткам обследователи, шланжескими приборами распластаются научно-исследовательские партии, гидро-исследовательские, геолого-разведочные и еще какие-то студенты-одиночки. Цель их испытаний покауда для масс не ясна и в пятилетке водотранспорта не отразилась. Только недавно рабочие Севзапгосречфлота прочли в газете довольно радостную весть. Ленинградский облисполком предложил Волго-Маринскому управлению не позже первого августа закончить составление проекта переустройства Маринской системы... Благодаря углублению и расширению Ладожского и Онежского каналов, постройке новых шлозов и других сооружений, черт Маринскую водную систему можно будет пропускать суда с большой осадкой. Грузооборот системы удастся довести до 8 миллионов тонн в навигацию. Так сообрабат газета.

Штаб силных вод

В том крае Онежского озера, откуда берет начало Свирь, расплстались деревенские постройки на пристань Вознесенье. Это узкой пункт северного водотранспорта, растуший рабочей город с блестящим будущим. Водяные и

Бетонирование водобойной части плотины Свирьстрой.

тройне поднялось бы значение Вознесенья, если бы оно было соединено железной дорогой, но этого нет, в Вознесенье скрещиваются только водные дороги. Дорога вправо — прямым рейсом в Петрозаводск, через Онежское озеро, в Советскую Карелию. Дорога прямо вниз по течению Свири — на Ленинград. И третья дорога та, шлюзом которой достаточно надежны нам в пути от Белозерска. Сюда, к деревянным подпоясам Вознесенья, катит сильные воды свои Онежское озеро. Редко Онега стоит спокойной, гораздо чаще широкая и высокая

волна бьет в устье Свири и катится по ней до первого изворота.

В Вознесенье, больше чем в каком другом месте Свири, скопляется судов, пароходов, лодок. День и ночь слышатся причальные сооружения, визжат лебедки на перегрузе пароходов. На правом берегу Свири крепко держит в себе несколько барж плывучий док. Идет работа, идет отправка судов и пароходов. На пароходах в навигацию этого года, в связи в большой пересотки в Карелию рабочей силы, давка, теснота.

Зато какая же заунывная тишина опускается на это самое Вознесенье вместе с зимним льдом и снегом!

Покажете, маяк,
Где моя дорога,
Сердце жмет от тоски,
На душе тоскота.

Зимой пьяные лесни охватывают непрерывные досуги обедневшего села. Только теперь новыми маяками мигают проблески нового. Закачивается постройкой Дом культуры школьников и школа ФЗУ.

Я долго бродил по родным местам у истоков Свири, говорила с людьми самых различных профессий и узнал еще одну, весьма важную новость, новость о трех Свирьстрой. Так из авторитетных источников, сказал мне один собеседник с техническим значком на фуражке, из авторитетных источников стало известно, что запасы водной энергии Свири прямо исчерпаемы...

Свирьстрой № 1 и № 2

Человек с техническим значком познакомил меня с проектом, который пока известен только в центре. Этот проект предусматривает сделать запяжку Свири не только в том месте, где строится сейчас главный Свирьстрой. Свирьстроев будет три. Один из них, Свирьстрой № 1, наметено заложить неподалеку от Вознесенья, почти в самом истоке Свири. Если это так, то судьба Вознесенья как социалистического города решена заранее.

Такое место найдено в 20 километрах от Вознесенья у пристани Подпорожье, где не столь широкое русло спускается течением ккладку Свирьстрой № 2 предполагается развести здесь.

Еще неизвестно, в план какого года будет включено строительство этих двух дополнительных электростанций, но уже приступлено к изыскательным работам. На предварительных изысканиях центром отпущено около пяти тысяч рублей. Таковы первые известия о новых делах, но мало еще изведанной по силе большой реке — Свири.

III. СВИРЬСТРОЙ

Стремительные годы стройки подвигают разбиваются сейчас в беспорядке камни. Река войдет не в свое русло, а в русло этого-важное их кропотливой работой 12 тысяч рабочих, войдет раньше срока и к этому сроку подоспел в гуде турбин лесня победы. Так будет. Давно ли, в год закладки Свирьстрой на четырнадцатой версте от Лодыгинской, были найдены каменные топоры, обломки глиняной посуды, находки для стрел — следы стояния людей каменного века. И теперь отсюда же начнется одна из дорог, выразившись словами Маяковского, в коммунистическое далекое.

Начало Свирьстрой

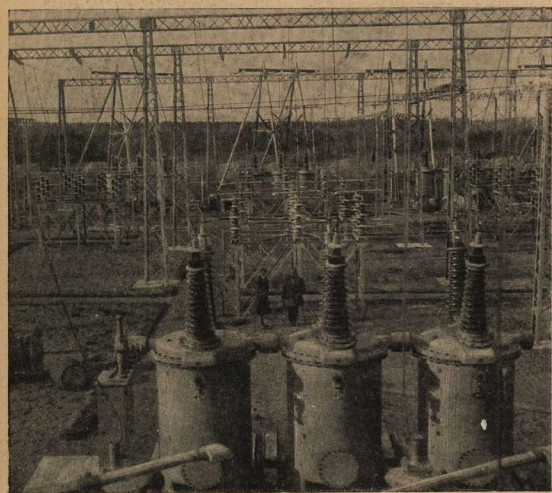
Только в линии цифр, занесенных на карту строительства, вырисовывается лицо будущей гидроэлектростанции. Я терпеливо собирал эти цифры среди младшего технического персонала Свирьстрой не из желания мне беспокоить начальство, а из желания почувствовать единый план в мисе тех, кто своей упорностью и напряженностью создаст Свирьстрой. И признаюсь: в цифрах и фактах путаницы не получилось. В то время не было только основного проекта плотины. Постройка всей станции обойдется по средним подсчетам в 120 миллионов рублей. К июлю в строительстве уже было вложено свыше 45 миллионов рублей.

Свежему человеку трудно разобраться не только в цифрах, но и в том, что заканчивается стройкой. Так на одном конце строительства мы с рабочим-проводником подошли к отштукатуренным стенам довольно солидной постройки.

— Что это — вспомогательная станция?

— Нет, здесь наш хлебозавод. Многие строится, многие из подобных зданий уже закончены. В июне была закончена, а в июле уже работала во-всю механическая мастерская. Давно вступили в работу: паросиловая станция, мощность в 6 000 лошадиных сил, песочный завод, насосная станция и дизельная станция в 1 200 лошадиных сил. Оборудован бетонный завод, силосы, промывальни, подвесная канатная дорога. Монтаж канатной дороги почти готов, монтируется погружной, угловая и конические станции. Быстро идет сооружение линии передачи. В июле приступлено к постройке понижающей станции в Ленинград.

Там, где раскинулись непроходимые вековые болота Белозеруски, вущен первый турбогенератор Осиинстрой.

Котлован

Плотной стеной отбит натиск воды. У левого берега Свири, в месте строительства, на площади около 80 тысяч квадратных метров, отвоеван у воды огромный котлован, котлован для плотины. В левом берегу другой котлован для шлюза. Этот почти готов. В будущую навигацию суда и пароходы пойдут через шлюз, готовящийся в этом котловане. Те, кто будет петь славу Свирыстрою, пусть принимают, как огромная работа, полная беззаветного героизма, продлана здесь. Помню, в день посещения Свирыстрою местной газета писала:

«Из котлована шлюза вынута экскаваторами 8 508 куб. грунта и вручную вынута около 3 000 куб. грунта. Тот, кто выдал напряженные в труде руки землекопов и землекопчиков, тому наверное понятно, что значит вынуть вручную 3 000 кубометров земли. А ведь это была оперативная сводка за неделю, за две. Котлован живет в лаге металлических шпунтовых американских экскаваторов, разных «маркировок», драгаинов, скреперов. Работают башенных экскаваторов руководят американские техники, обучают наших рабочих управлению этой довольно сложной машины. Я говорил с одним из таких обучающихся.

— Скоблим, скоблим донуско котлована хорошо... Только тут недавно случай был тяжель, ругались мы все здорово.

— Почему так?

— Заграница подвела. Экскаватор без заднего хода прислали. Уж мы и так его и этак, не пытайся, бесов нос, только реальсй тиет. Ну, теперь его заставиля работать, вон, он, японский бот, прохажив!

Гигантская лопата башенного экскаватора врезалась в дно котлована, с визгом подняла над вагонетками глыбу земли с серыми камнями и опустилась вниз.

IV. СЕВЕРНЫЕ БАЗЫ ЭНЕРГЕТИКИ

Лес в отставку

Было бы по меньшей мере готовитством основывать топливную пятилетку на дровяной базе. Сашком дорого такое блюдо для наших фабрик и заводов. Это учтено. Лес идет заводам за счет старых лесных фондов. Даже абсолютно правильное планоное лесное хозяйство при значительно возрастающих по пятилетке топливных аппетитах нашей промышленности может создать дровяной кризис по Северо-Западному району. И помимо этого лес в общем экспортном обороте являет собой такую доходную статью, пренебрегать которой в топливных интересах никогда нет. Следовательно, большая половина нашей промышленности должна перейти к дровяному снабжению на сурогатное.

А есть ли у нас сурrogate? Есть и долго будут. И первый и главный сурrogate — торф... И по Волхову, и по Свири, и по Неве, и вправо и влево, желто-зеленые торфяные поля, без конца и края. Эти болота ни к чему не приспособить, если бы они в своих засыпных грун-ных водах не готовили углеродистые напластования. Болота начали использовать. Сперва торф движуся подстилкой в хлевы, потом удобрием в поля и после топливом в заводы. Но запас горящих наслоений торфа все же ниже, чем в дровах, торфа нужно больше. Лопыча торфа поэтому приобретает огромные размеры. Особо важно отметить дубровские торфяные разветки на левом берегу Невы, ближе к Шансесборгу. Строительство Дубровской торфяной станции начато давно. В эту весну по вине Главэлектро была частичная задержка строительства торфяной станции и окончена она будет, по всей вероятности в 1932/33 г., а этот же срок войдет в Свири своим первым агрегатом.

Дела и проекты

Для Ленинградской области самое важное — использование местного топливного «запаса» торфа и сланца. Помнится весной этого года в ленинградском журнале «Партработник» печатал статью М. Росляков. В этой статье между прочим сказано.

«Неизбежность завоза топлива издалека движется к несообразности экономического порядка, так как в сравнении с дешевой топливной перевозкой топлива страна получает в укороренных темпах и необходимую продукцию машиностроения...»

Подобное утверждение повидимому допустимо лишь в вопросах снабжения топливом северных областей, потому что Ленинградская область вряд ли нуждается в завозном дровяном топливе. Ставка делается на использование местных ресурсов. Нужно заменить глав-

Коммуна им. Сталина в Товаресском районе ЦЧО сдала государству зерновых культур в два раза больше задания. На снимке: первая подвода красного обоза сталинских коммунаров

ным образом завозной угль. И вот, когда войдут в действие Свири и Дубровка, то этим самым будет замещаться 750 тысяч тонн завозного угля.

Большой вклад в энергетическое хозяйство приносит и торфо-электроцентрали. В число объектов этого строительства входит Свирыстрой № 2 и Малозвонская торфоцентрала в Новгородском округе, Мало-Вишерский район, в 15 километрах от ст. Волхово, Чудовского района. По первой намечте пятилетки общая сумма затрат на электростроительство в Ленинградской области обозначена в 750 миллионов рублей. Цифра эта огромна, и если увеличилась она, то увеличилась в сторону уменьшения.

Имена

На Неве — Уткина завод. Здесь закончена постройкой мощная электростанция «Красный Октябрь».

На Неве — Криво козело и Ипановские пороги. Здесь запрокинуто планом пятилетки строительство новой базы электрэнергии.

И особое внимание нужно уделить Волховстрою. Величина и значение этого монолита электрэнергии известны всему населению.

Но Волховстрою нужна еще большая водная помощь, помощь питающего бассейна. Питающий бассейн Волховстрой озеро Ильмень с Волховом в периоды межводья иногда заставляют работать Волховстрой с перебоями. И нужно как-то собрать воду Ильменя водноно, чтобы поднять уровень озера. Есть один, малозвестный правда, проект: обнести озеро Ильмень земляным валом с таким расчетом, чтобы запас его воды расходулся исключительно на Волховстрой. Проект смел и кажется непрактичным, но весьма возможно он будет принят, и мы будем живыми свидетелями и участниками новой смелой стройки.

Творческие силы строителей пятилетки велики. Родники творчества героев пятилетки, введенные в единое русло, отмечают путь штурма Туркменами и Волховстроими, приступом берут Свирыстрой. На берега озер и рек приходят свои ударники.

Центральный комитет ВЛКСМ постановил принять шефство над электрификацией. Комсомол мобилизует армию молодых ленинцев на досрочное выполнение плана электрификации, на реконструкцию энергетики, на рационализацию электростанций. И комсомольцам Ленинградской области на этом фронте предстоит большая работа.

Густой паутиной раскинулись провода Штерграса. Ступая по горам, низким, рваным высоким стальными фермами, Штерграс окутал проводками половину Донбасса. По проводам, бестаящим на солнце или зашидевшим от мороза, летят ток в зрубкам, колдуньям, безделкам.

Двести десять тысяч лошадиных сил — в турбинах станции. Миллионами киловатт-часов мерно отсчитывает Штерграс последние вздохи дряхлого обушного Донбасса. Неугомонно гудят турбины. Космет дружба Штерграса с новым, механизующимся Донбассом...

Неподвижными, мертвыми массами лежали горы штыба. Угольная пыль не нужна была прежним владельцам шахт. Четырнадцатичасовой каторжный труд шахтеров давал прекрасные барыши. Варварская эксплуатация угольных богатств полностью удовлетворяла жаждь хищников...

Миллионными запасами громоздятся штыбы в Донбассе. Социалистическая страна не выбрасывает колоссальных богатств на ветер. Нам нужен штыб. Он поможет в четыре года выплодить пятилетку.

Штерграс — это первая ассоциация школы, первая лаборатория по сжиганию угольной пыли. Немудрено, что именно сюда, на затронутое в угольных лабиринтах сердце Донбасса, идет направили наган вредительства. Строительство станции было предателями растянута на десять лет. Долгие годы в длиннейших трактатах доказывали вредителям невозможность использования штыба в иных условиях. Когда же настойчивость и воля пролетариата стали побеждать, вредители создали разрыв между котельными и турбинным хозяйством станции.

Сейчас вредителям вынесен приговор. Штергрис берет свое детство. Страб близельность рабочего класса.

30 сентября, в День ударника, в новом клубе городка собрался почти весь рабочий Штерграс.

Остались у турбин, моторов, котлов ударник-часовые. В клубе — праздничные речи, в поудежной котельной — наяривающая работа. Ровно в двенадцать бригадир котельной собрался уходить. В последний раз он обходит котлы. Он заглядывает в темный угол, куда выходит лок котла № 9. Вдруг бригадир

вадрогнул и бросился шатаясь из котельной. Рукав полусытой сиповки волочился по лестнице.

— Там... там... — пытался доложить Самарский дежурному инженеру.

Бригадир утратил способность речи.

— Указки рукой, — твердо сказал инженер Лип.

Мелкой дробью застучали шаги инженера. Он понял опасность.

В котле № 9 атмосфера лавания — пугающая. У лока котла предатель отвинтил все двенадцать болтов. Достаточно было неосторожного движения, громкого стука — и котельная взорвалась бы.

Инженер Лип приказал людям оставить котельную. А сам, прижимая фуражку к накаленным болтам, укренил люк.

Топки прожорливы. Шестсот тонн в сутки — норма, удовлетворяющая аппетит станции. В снабжении штыбком — перебой. На станции — тревога. Еще три таких дня — и сердце Донбасса перестанет биться. Замрут шахты, станут механизмы.

... На заседании бюро комсомольского коллектива явился весь актив.

— Нехватает грузчиков, нет штыба, — говорит секретарь коллектива.

— Дайте грузчиков, создадим запас в пятьсот вагонов, — постановление коллектива. Партоактив поддержал инициативу комсомольцев. На другой день активисты рассыпались по цехам.

Мобилизация проведена.

В предсветной мгме, вздрогнув от холодного ветра, ожидает группа рабочих отправки на шахту. Среди них половина комсомольцев, уলেখивших в поход за штыбком беспартийных рабочих.

Стандционный паровоз с трудом берет персонал.

В бледном свете утра едва вырисовывается копер шахты № 151. Кучи штыба покрыты снегом. Кто с лопатами, кто с носилками становится в ряды.

За дюжон-трех работают комсомольцы Матвиенко, Папирский, старший рабочий Дюрядкин. Не чувствуют уже рук — носилки оттянули. Но до нормы еще далеко, и они продолжают устывать.

Заключили. Нагружали всемадчат платформ — почти суточная норма станции.

С 22 до 27 ноября на ликвидации прорыва работали 311 человек. Отгрузили 45 вагонов.

Тяжело отозвалась на строительстве «помощь» Рамзина. Колоссальный разрыв между котельной и турбинным хозяйством продолжает давать и теперь.

Партиная и комсомольская организации всеми силами устраняют темпы роста электростанции. Энергией преданнейших людей лучших изменяются бестрастные цифры. Контрольные сроки строительства живут, дышат, срываются с якорей.

— Монтаж котлов №№ 2—4 надо закончить не позже 15 декабря, — решила штергрис.

И комсомольская бригада слесарей выполняет встречный план на 115 процентов, удешевляет стоимость заданной работы на 600 рублей и заканчивает задание по монтажу котлов №№ 2—4 на 59 дней раньше срока.

Молодежная бригада Бердуса (электромонтажники) тридцать два дня работала без отдуха. Промыла выполнен. Монтаж трансформаторной группы проведен блестяще.

Бригада комсомолки Богдановой — члена контрольного поста по всесоюзному конкурсу на лучшее предприятие — первая приступила к работе по конкурсу, уলেখая своей энергией весь контрольный пост.

Бригады молодежи дали 25 ценных рационализаторских предложений. Организацией соцсоревнования, созданием бригад взрослых рабочих они усилили приток предложения подлинно ударничества на уровень подлинно социалистического творчества. Комсомол Штергрис собрал лучшие рабочие предложения в книге «Наш ответ вредителям».

Мощность 20 тысяч киловатт — такой первый план строительства. Потом прибавлено еще 49 тысяч квт, еще 88 тысяч и сейчас — 157 квт, с радиусом охвата 160 килограмметров.

1 ноября Штергрис дал ток Горловке, 21 ноября позвучил ток Луганск. 1 декабря включили Сталино и Маневка.

Старый Миус уже потерял доверие взрослой Штергрис. Уж больно много воды одаст капризная реушка летнему солнцу. Пришлось вырыть два бассейна. С весны приступят к рытью третьего. Восемь миллионов кубометров воды постоянно будет в запасе. Еще шесть-семь месяцев — Штергрис будет самой мощной в Союзе.

Штергрис — неоспоримое доказательство правильности генеральной линии партии. Штергрис — яркий ответ всем соглашателям и малочерам.

Пионербаза завода «Динамо» уলেখила 15 лучших пионеров в комсомол и IX съезду ВЛКСМ.

БОРЬБА

за хлеб

В. СТАРИКОВ

Собрание кончилось еще засветло. Потом надвинулся сумрачный осенний вечер. В просторном классе школы повисла серая тишина. Стоярок зажег 5 маленьких керосиновых лампочек, равняя их по четырем углам; одну поставил на стол председателя.

После доклада, из которого все узнали, что хлеб слабо идет на сыпной пункт, началось прения. Шли они вяло, спокойно, словно всем собравшимся здесь этот вопрос был безразличен.

Но вдруг председатель заметил, что в дальнем углу идет яростный спор. Он соскочил со сцены и побежал туда. В прениях на подмостках никто больше выступать не захотел. Но зато они разгорались в зале... Обсуждение доклада было перенесено «в массы».

Секретарь комсомольской ячейки Попов, энергичный парень, напористый, сидел в центре зала. Его окружили бородачи.

— Ты сколько вывез? — спросил Попов бедняка Семина.

— Тридцать чистейших: шесть мешочков, борочки плотных.

— Ну, а ты? — кивнула Попов на зажиточного Золина, соседа Семина по жильству.

Золин равнодушно отвечал:

— Всеми.

— Теперь скажи, Семи: есть у Золина хлеб?

Семи растерялся.

— Откуда мы можем знать?..

— Да ведь вы соседи!

— Что из этого? В амбаре я у него не шарил.

Убеждения не помогали. Семи не хотел сказать, должен ли быть хлеб у Золина. А Золин упрямо твердил одно: «Нет у меня хлеба». По спискам сельсовета у него должно быть только ржи около 10 тонн. Кулаки и зажиточные не хотели сдавать хлеб. Они упорно оттягивали сроки, клялись: «Нет хлеба», «отбавьте, если найдете».

На сцене снова появился председатель. У него покраснели веки. Оттаиваясь от «публички», он широко и жадно зевал.

— Вносите предложение: — завтра выехать на сыпной пункт с красным обозом.

Из ряда поднялся красноречивый, здоровяк.

— По-моему — медленно и веско заговорил он, оглядываясь назад и ища глазами у всех поддержки, — какъ всем по 10 пудов и ехать. И сразу хлебозаготовку сдадим...

В зале поднялся одобряющий гул. Большинство собравшихся это было выгодно: вместо одной тонны сдать только шестую тонну.

Председатель снова ушел «в массы».

Собрание закончилось, когда в деревне второй раз прозвонил петухи. Было решено завтра — красный обоз, все сядут свои извозники.

На другой день в полдень красный обоз шел к сыпному пункту. Он был похож на маленькую гусеницу, медленно ползущую по серой веточке-дорожке. На возах под бременами лежало по мешку.

Попов подошла к возам, отворачивала край брезента и, глядя рукой зерно, едко усмехаясь, спрашивала:

— Не стлыно?

— Мы — как и люди, — отвечали ему и торжислись отвести глаза в сторону.

Для городского человека, попавшего в момент хлебозаготовок, деревни казались участками военных боев. В сельсоветах слышались военные термины: враг наступают, сданы позиции, не сдержал огня, десантировал, захватила позиция, одержал победу...

Каждый сельсовет превратился в боевую штаб. В район регулярно шли сводки. Оттуда шли приказы, категорические приказы «под личную ответственность». И каждый сельсовет

стал боевой единицей района. Окрепла связь. Район знал, что делается в деревнях, сельсоветы знали, как идут дела в районе.

Зажиточные, кулачество не хотели сдавать извозников, и от комсомольцев, от партийцев требовалось решительное наступление. В окском сельсовете 21 сентября зажиточным дали твердые задания. До 28 сентября они не сдали ни одного килограмма. Каргину дали задание: вывезти $\frac{3}{4}$ тонны ржи и $\frac{1}{2}$ тонны проса. Он сдал только $\frac{1}{4}$ тонны ржи. Кулак Каргин Фотий сдал около тонны ржи. С него требовалось $2\frac{1}{4}$ тонны ржи и $\frac{1}{2}$ тонны овса. Из 23 кулацко-зажиточных хозяйств только четыре сдали хлеб. Остальных приходилось штрафовать, судить. Кулаки села Борск цифру хлебозаготовок приняли, но хлеб не везли. Пришлось оштрафовать 21 хозяйство.

Ранение — обычное явление на фронте. Нападение кулака в деревне — обычное явление. Пропор бок председателю Муравянского сельсовета кулак Зетевлов за то, что тот нашел яму, в которой было спрячено $\frac{1}{2}$ тонны ржи.

Московский бригадник вечером, когда он шел с собрания, зашвырял камнями.

Ночью у учителя Титова, сидящего у окна, летит камень брошенный рукой кулака. Камень пролетел на несколько сантиметров выше головы и рабодит угол пени. Если бы Титов поднял от книги голову, камень попал бы в цель.

На секретаря комсомольской ячейки Попова кулак С. Коновалов заманулся ведром. При встрече с ним Коновалов злобно орет:

Новая электровольница им. Вейкова в Ташенте.

— Подожди, сволота, утопим мы тебя в пруду!

Заревое осветило ночью село Мордово. Горел дом комсомолки Маруси Рахманиной. Маруси на районной конференции комсомола. В ужасе мечется старуха-мать в горнице избы. Она не может вылезать на улицу. Она и дверь примерты толстыми колыями. Вокруг дома несколько равнодушных зрителей.

— Так ей и надо...

Они слышат крики о помощи, но никто не тушит пожара. Старуха вырывается наконец из избы с опаленными волосами. Колхозники помогли ей вытащить швейную машину и маленький судочок. Все остальное погибло в огне.

Кто поджог дом комсомолки Маруси Рахманиной?

Все говорят:
— Сосед Малотин.

Старая вражда, старая борьба идет между этими двумя домами. Отец Маруси еще в 1905 г. принимал активное участие в революционном движении. Пролетарскую закалку, классовое воспитание он получил на одном из заводов тогда еще Санкт-Петербурга. Малотин — староста — сважет его в тюрьму. Три года он сидит «по российским дорогам». Здоровье убито. Он скоро умирает. Маруся продолжает дело отца. Кулаки ненавидят ее. Уже несколько раз ее за активное участие в хлебозаготовках пытались избить, утопить в пруду. Не удалось. Не удались и пожар...

Но не все так же, как Рахманина, как Попов...

(Окончание см. стр. 15)

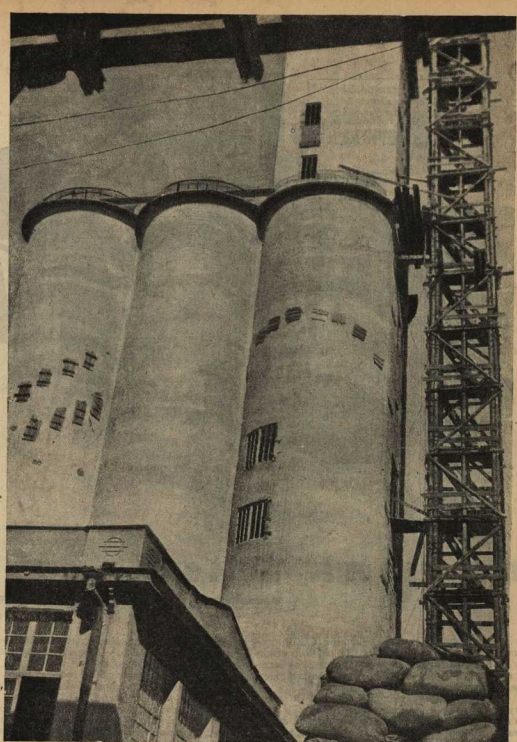

Рис. Аваляни

прошла мимо

А. БРЫНИН

К своему IX съезду комсомол СССР пришел с огромными победами. За период между VIII и IX съездами комсомол совершил исторический переход к важнейшим хозяйственным задачам.

На всех участках хозяйственной и культурной стройки комсомольцы шагают в первых шеренгах отважных бойцов — социализм, принимают активнейшее участие в классовой борьбе за социализм.

Борьба комсомола полна героики, пафоса, красочности. В боях за выполнение принципов в тысячу раз больше драматических положений, нежидан в любовной истории Пети и Нины. Рассказ об участии комсомола в коллективизации сельского хозяйства в миллион раз увлекательнее, нежели повесть о любовно-психологических переживаниях мальчишеской Тани Аристарховой.

Не об этом идет речь. Мы хотим лишь подчеркнуть, что наша сегодняшняя действительность, наша жизнь и борьба на редкость насыщены героизмом, красочностью и дают замечательный материал для художественного отображения.

Литература отстает от жизни, от боевых задач социалистического строительства. Лишь за последнее время здесь намечается решительный перелом. Призыв ударников в литературу — один из важнейших моментов на пути ликвидации отставания литературы от нужд нашего строительства и запросов рабочего читателя.

Поэтому работа «Смена» и РИО ВЦПСК с начинающими рабочими-авторами из числа заводских литружков (след литружков, издаваемые в «Библиотечке «Смена» творческих сборников кружков и т. д.) приобретает огромное значение.

Но имеется один участок литературного фронта, где диспропорция между запросами читателя и их удовлетворением особенно велика. Этот участок — комсомол. На этом участке — если не считать нескольких очерков (я Ильина, Г. Киша, Б. Галина) — сплошной провал.

Героическая борьба комсомола на фронте хозяйственной и культурного строительства в художественной литературе почти ни-

чем не отображена. Единственное светлое пятно на этом участке — полуочерковая повесть М. Платошкина «Горький».

В ряде произведений, объективно враждебных нам, мы видим комсомол в «кривом зеркале». Ленинградское т-во писателей зарекомендовало себя как своеобразное убежище комбуржуйки, реакционной литературы (Евг. Заматина, Кукилин, «Глома» Борисоглебского и т. д.).

В «Поперек поля» Мих. Иренина и «Оптимистическом романе» Ю. Берзина, вышедших в этом издательстве, мы найдем комсомольцев; но уделено в этих вещах много места. Посмотрим, как они изображены.

В «Поперек поля» деревенские комсомольцы жестоко воюют со... старыми крестьянами. В наборе героики повести Оленя образована культурный деревенский центр, возглавляемый комсомольцами. Эта избя становится местом жесточайшей борьбы. Но в повести комсомольцы — не вожаки и участники классовой борьбы в деревне, не организаторы социалистического ее переустройства, а просто культурники. Да и борьба дана М. Ирениным не в социальном, политическом плане, а в плане биологическом. Всюду социология подменяется биологием. О кулаках «окромя хороших» в повести ничего нет. Комсомольцы борются не в силу каких-либо классовых причин, а по биологическим, половым мотивам. Так под пером М. Иренина извращена наша деревенская действительность, извращено участие комсомольцев в строительстве новой деревни.

Автор «Оптимистического романа» Ю. Берзин с каждым новым произведением все больше и больше скатывается на враждебные пролетариату позиции. В своей новой вещи он пробует доказать, что ипн означает собой «перерождение» всех катехок советского аппарата. Система идей, развиваемых Берзиным в этом романе, несомненно, на смену романтике военного коммунизма пришла эпоха затишья, спокойствия, удручающей повседневности. Отсюда — скука, опьянение и как синтез всего этого — перерождение. Изображая маршавыми красками нашу действительность, Берзин издает в уста «хорошего» комсомольца отрицательные реплики по адресу, нашей

действительности и говорит об этом комсомольские следующие: «И старательно выполнял отведенную ему работу. Он готовил доклады, проводил кампании, разлезал по фабрикам и заводам, агитировал, организовывал людей... пока... пока его не постигало нечто подобное на президенте... — он устал. Однообразие дней стало утомительным. В руках висели спокойствие засухи» (подчеркнуто мною — А. Б.).

Фигура комсомольца Юрия Слепешникова — ширма для берзинских высказываний о советском строении.

Вещи Иренина и Берзина крайне характерны для комбуржуйки и скатываются к ней попутчицкой литературы. Комсомольцы в этих произведениях — лишь ширма, прием для развития тех или иных враждебных нам идеологических построений.

Что же мы противопоставляем этим реакционным писателям о комсомоле?

Пролетарские и близкие им революционные писатели за этот период ничего нового о комсомоле не дали. Здесь мы говорим о «маститых» и «именных» писателях. Нельзя сказать, что произведения, посвященных комсомолу, за последний период вовсе не появились; их дали молодые, впервые пришедшие в литературу авторы. Но дебюты молодых писателей были крайне неудачны.

Виталий Державин дал роман «Сердце в десах» («Мол. Гв.», 1930). Возможно, что автор исходил из весьма положительных побуждений: «Показать, как в ломе старых бытовых отношений, росте новых общественных отношений рождался новый быт, новый семейный уклад. Но благими намерениями вымощен ал. Роман В. Державина получился на редкость пошлый, мещанский. Весь роман посвящен сугубо психологическим переживаниям комсомольца Тани и 1001 переживаниями «словопроблемы». Тани попадает из провинции в Ленинград. И здесь она кроме «проклятых» вопросов пока больше ничего не познает. Ее преследуют «сплошные» зротоныма. Партией критик, видный общественник Кинн — какой-то слепок с архаического Санниа; его программа и жизненная направленность несложны: «Солнца-то сколько, жизни, сид—так весь мир бы и израспоявал». Тани на первом свидании этот критик, поэт и т. д. сообщает, что ее губа «естественно навильна и глаза «безобразны» — в них можно утонуть» (стиль — стил-то! — А. Б.) и проше полности. Через несколько дней Кинн сообщает: «Я смело бросаю свое эсочу, ты именье мое ответное слово и я ловлю, ловлю...» Подобные пошлости следуют одна за другой, порождая впечатление, что современного Санниа, рассказывают Державин эпически, с натуралистическими подробностями. Во второй части романа Тани удаляет из «зрватного» и «папуного» Ленинграда обратно в провинцию. Замушество. Имями муж-комсомольца Ужко от культуры. Примирение и обещание обоих супругов никогда не изменить друг другу. Весь но-ий быт, вся работа новой семьи, борьба с татками старого быта В. Державин свел к пошловато-мещанской проблеме, прямо по Р. Манюкову — о праве на измену. Где же тут комсомол, комсомольцы, строительство нового быта? И подобная пошлость выдается за комсомольский «проблемный» роман.

Нам нужно полнокровное, яркое отображение героичности прошлого комсомола, его борьба на фронте гражданского войнства, портреты комсомольских активистов, особенно рабочих-активистов и т. д. Художественная литература, посвященная этим темам, может сыграть большую положительную политико-воспитательную роль. Но это ни в какой мере не относится к кини И. Скорино «Дикая джунгли». Тема ес—борьба молодежи за власть советов, борьба за большевизацию союза молодежи, борьба с последними эсеров и меньшевиков в Союзе. Место действия — губернский город февраль 1917.

Но как неправо, неправильно изображена эта борьба!

Классовое разоблачение меньшевиков и эсеров сведено к словесной «гретности» и методу «физического воздействия». Вместо того чтобы как следует показать предательскую, оппортунистическую деятельность «меньшевистского» и «эсерского» блока (меньшевики и эсеры), И. Скорино изобретает все тяжелое острое по их адресу. Мы не видим настоящего разоблачения «блока» в глазах рабочего молодежи. Мы не видим в чужих глазах разоблачение блока! Почти все сведено к получению большинства голосов — делается это по И. Скорино так: работа-

большевизму, получая задание «укротить» большевизму, чтоб она была большевизной (!), и голос им давал) вот так классово-рабочее меньшевизма). И не один десяток страниц посвящен «любви» Заонегина, первого любовника большевистской фракции, к меньшевичке, «любви» по «партийному заданию».

Написана «Дикая дивизия» на полуоблатном восточном языке, с колоссальнейшей дозой «строумных» словечек и нарочитой тупости. Герой книги — рабочая, большевистская молодежь — все время говорят приблизительно так: «Прощайте, достопочтенный кабалеро... Прощайте, старая галоша с ноги Магомета...». «Жму ваши грязные копыта...». В соответствии со своим столь «строумным» и слезливым языком герои этой повести нередко столь же легко совершают полухудлиганские поступки, ничего общего с классовой борьбой, большевизмом не имеющие. «Дикая дивизия» по существу является насквозь на историю комсомола, хотя надо полагать, что Скоринко исходил из лучших намерений. Приходится поразаться, что это низкопробное произведение вышло в серии «Современная пролетарская литература» (ЛАПП, «Прибой»).

Книжка И. Наумова «Первые комсомольцы» (М. Р., 1930) выгодно отличается от повести И. Скоринко. В ней нет ни капли пошлости, она в основном правильно вскрывает ход исторического процесса. И все же она в малой степени восполняет пробел в художественном отображении комсомольской истории. «Первые комсомольцы» написаны бледно. Правда, некоторые из его героев нарисованы довольно удачно, но широкой, выразительной картины жизни комсомолы тех лет ему не удалось дать. Роман растянут, скучноват. Время событий не всегда ясно. И простые, бесхитростные мемуары Г. Дулязина «Записки комсомольца» куда ярче и интереснее — показывают жизнь «дожелезных масс», нежели роман И. Наумова.

Первым годом зина (1922) посвящен роман Г. Бутковского «Комсомольские будни». Отдельные небезынтересные места тонут в этом пухлом романе. Вопросы пола опять доминируют над другими проблемами. Все герои «будни» так или иначе сущелены вопросам пола. Женя Яблоновский, высказывающий правильные взгляды в этой области, почти одинок. Секретарь губкома Сережа развивает такие идеи: «Я любви не признаю. Пора отбросить это сладкое медвежье понятие. Во всех этих возмущенных вздохах — физиологический корень. Есть влечение и... Секретарь Паша Вахотин сообщает: «Давайте на что хотите поспорю... любую девочку из тех, что здесь в заде, берусь окрестить в один вечер» и т. д. Все эти слова принадлежат положительным героям романа. И в дальнейшем эти теории не разоблачаются, а идет эпическое повествование о любовных романах героев и т. д.

И лишь книга М. Платошкина «Прорыв» дает сегодняшний день комсомолу. В «Прорыве» отражена героическая борьба комсомольцев завода «Динамо» за выполнение и перевыполнение плана. Комсомольцы «Динамо» детермируют всю свою работу, по-настоящему поверившись лицом к производству. Налеты на цеха, борьба за рациональное использование хозяйственных ресурсов, работа в ударных бригадах, помощь комсомольцам «Большевичек» в их производственной работе, одним словом весь производственный опыт комсомольцев «Динамо» интересно, местами очень ярко показан М. Платошкиным. Писатель показывал «сильные стороны» и хозяйственные комсомольцев в ходе борьбы за перевыполнение.

Но книжка М. Платошкина не может ликвидировать «прорыв». Прорыв остается.

Боевая, кипучая работа комсомолы по строительству социализма должна найти достойное отображение в художественной литературе.

* Отрывок из этой книги «Налет» печатается в № 26—27 «Смена».

Читайте в след. номере „Смены“
ответы на анкету:
„ЛЕНИНСКИЙ КОМСОМОЛ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ“.

См. стр. 13

БОРЬБА за ХЛЕБ

Есть отступящие с позиций, обнажающие фронт борьбы, десертиры. Комсомолец Коршунов поверил кулаку, пожалел его, когда он раскладывал перед ним, — оставил ему $\frac{3}{4}$ тонны хлеба. 40 комсомольцев за время хлебозаготовок исключены Сараевским райкомом из союза за защиту кулаков. Секретарь партийной ячейки села Муравьянка подал заявление о выходе из партии.

— Не могу бороться с кулаками, нет у них издника, — пишет он в заявлении. Но не так назвали кулака, как наивно, и доверчив некоторые комсомольцы. Не vezet кулака на сыпной пункт, но vezet его к родственникам. Прячут к беднякам.

А кулака Белоусова в селе Борен нашли яму — в ней $\frac{3}{4}$ тонны ржи. В амбаре пусто. На полу рассыпано всего около полторы ржи. Где хлеб? Неужели у него больше нет?

У кулака Белоусова в селе Борен нашли яму — в ней $\frac{3}{4}$ тонны ржи.

В селе Сарае у одного из тех, кто плачет «нет хлеба», обнаружился яму, а которую он из года в год сыпал непронесенную рожь и по мере надобности брал из нее. Так значат нет хлеба!..

Попов неспокоен. Он нервничает, волнуется: не идет хлеб. Обиски у кулаков не дают результатов. В амбарах пусто. И сельсовет, а вместе с ним и ячейка по выполнению хлебозаготовок на черной доске.

Собрание комсомольцев, закрытое. О хлебозаготовках. Комсомольцы мобилизованы... Приказ: поставить работу с беднотой, с их помощью добиться выполнения плана хлебозаготовок.

В деревню выехали комсомольцы. Шесть дней жила Попов, Савитев, Чуняева, Карпов в деревне Баборова. Обходили днем, собирали бедноты по вечерам...

Бедняки почувствовали доверие к комсомольцам. Ямы... Беднота начала указывать, кто прячет хлеб в ямы, кто хлеб не сдавал. Они заступились.

Четыре ямы... У Шурцова в яме нашли полторы тонны овса, $\frac{1}{4}$ тонны вики, $\frac{1}{2}$ тонны ржи. У зажиточного середняка Кукунова в яме было спрятано 2 тонны картошки. У Хвостова рожь была спрятана в риге.

Комсомольцы почувствовали, что они сами виноваты в том, что хлеб не сдавался. Они забыли про бедноту, забыли на кого должны опираться в своей работе.

Впервые видели в Баборове красные обмотки, которые везли по 7 тонн хлеба.

За 6 дней комсомольцы выполнили план. До их приезда ржи было собрано 13 тонн, овса 10. За 6 дней они собрали ржи 50 тонн, овса 80.

Хлебозаготовки по Баборовке были закончены...

Из других деревень шли не менее ошеломляющие вести. — В Дубровке — рапортовали комсомольцам, — 10 дворов сами организовали красный обоз и вывезли 2 тонны.

В Ягодке 10 дворов красным обозом сдали 2 тонны.

Старик Матвеев из деревни Баборова, бедняк, указавший комсомольцам 9 ям, жаловался:

— Плохо вы с нами работаете. Приехали, а потом опять встает. А чтобы встать, я не могу так. Вы с нами, я мы около вас.

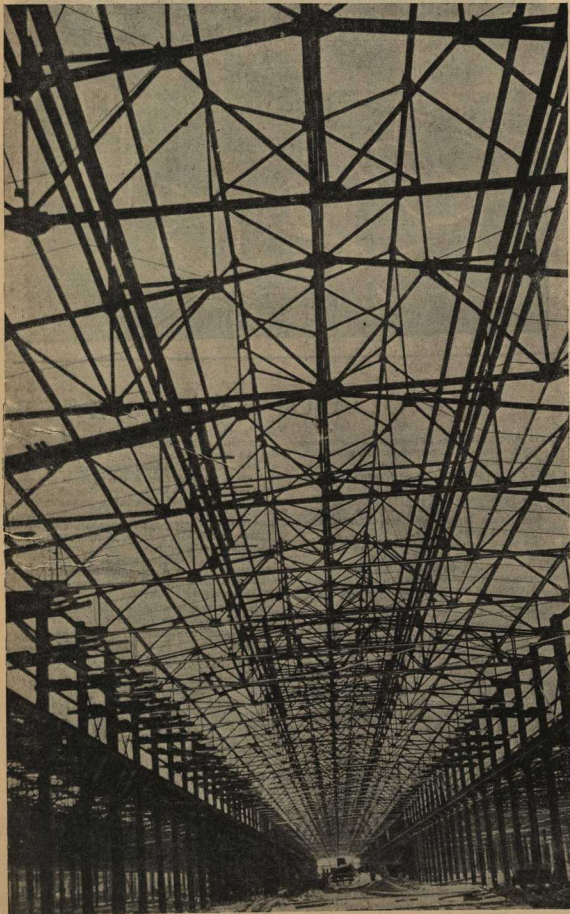
Он вскакивал и крикнул:

— Да тогда не 7 тонн в обозе вывезем, а сразу 10 вагонов. Да, правду говорю!

Теперь комсомольцы знали, что старик говорит правду.

ШАГИ, НО УЖЕ НЕ ПЕРВЫЕ

ОЧЕРК ВЕН. ШАПИРО

Огни проекторов сияют высоко. Ночью здесь светло. Недирающийся часовой пропуск.

На сборке конструкций гремит железо. Н слышно шмыгают легкие машины, уступа путь торолным, громяющим грузовикам «мерседесам».

Первый иней сверкает на одиноких малых деревьях; под ногами похрустывает декабрьский снежок. Мы идем по нескончаемому коридору будущего механосборочного цеха, разнувшегося на полкилометра в центре Автограда, которому через семь месяцев будет дано имя:

НИЖЕГОРОДСКИЙ АВТОМОБИЛЬНЫЙ ЗАВОД

Мы идем с собрания ячейки. Решено было в подарок девятому комсомольскому съезду выступить в поход за качество строительства, против потерь, за мобилизацию внутренних ресурсов. После собрания тесно сблизил и читал книжонку А. Еремченко, изданную «Молодой гвардией», об участии комсомола в стройке Автограда. Книжка называется:

«Первые шаги».

Это были действительно первые робкие шаги небольшой комсомольской ячейки. «Старожилы» вспоминают неполадки тех дней, сорванную мобилизацию «800»... Тогда с большим трудом направили по всем участкам двадцать девять комсомольцев. И на каждом шагу встретила комсомольская инициатива баррикады препятствий.

Товарищ делегат комсомольского съезда! Пойдем на стройку. Еще недавно здесь рыли котлованы, закладывали первый камень социалистического города, крепкая фундамента цехов.

Ты видишь эту громаду прессового цеха, законченного на два дня раньше срока? Посмотри на огромного соседа прессового — механосборочный, конструкции которого собрания металлистами на 17 дней раньше, чем это предусматривал строго рассчитанный план. Посмотри на шеренгу достраивающихся домов нового социалистического города. А вот это — резной, это — деревообделочный, это — кузнечный. Железные скелеты упорно обрывают бетоном и стеклом.

Три месяца тому назад, в октябре, в зияющей прорыв проваливался план строительства здания главной конторы. Нехватка людей, не было чернорабочих. Тогда комсомольцы первого района взяли штурмом главную контору — они вечерами, после тяжелого строительного дня подносили камень, кирпич, гравий, подвозили песок.

В чем была сила? Сила была в производственных коммунах. Здесь, на стройке, где работают подуревские небросанные «сезонники», эти коммунами охвачено около двух тысяч молодых рабочих. Они работают ударными отрядами, безжалостно изгоняют на своих рядах за прогулы, переносивают, переносивают людей, дела труд «слом чести, доблести и геройства».

Вот документ:

«Я, комсомолец Михаил Шутов, работаю в бригаде-коммуне Сорочкина и после болезни по своей халатности допустил несколько прогулов, за что был исключен из бригады.

Я признаю свои ошибки и обещаю впредь этого не делать. Прошу бригаду принять меня обратно в число своих членов, потому что я не могу кинуть ребят, с которыми скисил. Я говорю всем прогульщикам, что клеймо позора и свой поступок и еще раз заявляю, что не только не буду прогуливать больше никогда, но и буду удерживать от этого других.

Прошу не отказать в моей просьбе.
Комсомолец Михаил Шутов»

Михаил Шутов смеялся с ребятами. Но стоило ему прогулять день, и от него отперли двери, его поступок и обсуждали ночью, лежа на кроватках, в фанерном бараче, и наконец его исключили. В эту минуту ломались традиции «товарищества», основанного на бутылке водки, на взаимном укрывательстве.

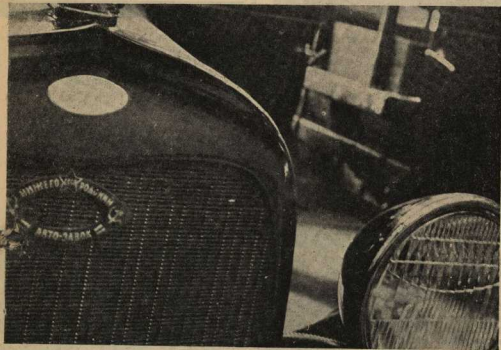
Комсомольские коммуны воюют в историю борьбы за первый автомобильный завод.

В ноябре на реке пошло «сало», предвестник конца навигации. Но на стройку надо было завезти еще огромное количество материалов для ударного квартала. Необходимо было разгрузить от песка, гравия, камня неперелавные баржи.

Для разгрузки нужны люди. Больше, чем обычно. Много людей. Превозит тудит та лесов. Собираются хозяйственники. А в это время летучие собрания комуняров решают:

Строится механоборочный цех нижегородского автогиганта.

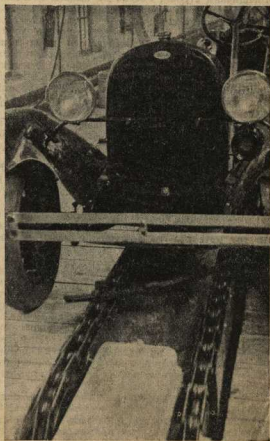
Первое советские «форды», выпущенные нижегородским Автозаводом.

— Сейчас взяли шефство над строительством профтехкомбината, обязавшись построить его в срок своими, молодежными силами.

— Бригада-коммуна имени «Авроры» взяла на буксир строительство главной конторы, — бригада Сорокина «тянет» литейный цех и подстанцию.

— Все производственные коммуны закрепили себя не только до окончания стройки, но и обязались переквалифицироваться для будущего автомобильного завода.

— Да, мы бешено, чертовски быстро идем вперед! Гигантский автозавод будет пущен к сроку, — не позже 1 августа 1931 г. 140 000 советских «фордов» будут ежегодно соходить с конвейера на колхозные поля и шумные улицы городов Союза.

— Информацию принять к сведению. После ужина всем до одного направиться в гавань. Работать всю ночь, пока не будет сделано все.

За коммунарами пошли другие — и положение было спасено. Точно к намеченному сроку баржи были отпущены.

Мы не хвастаем. Мы говорим о фактах, об опыте борьбы. Когда к концу ноября надо было покрывать тозем и роверойдом рессорный цех, то у бригады некавалифицированных чернорабочих-комсомольцев хватило отаги заменить кровельщиков. На третий день работы эта бригада (тов. Полякова) перевыполнила план на 500%. Комсомольцы ежедневно покрывали цех на 150 кв. метров вместо намеченных планом 30.

То же и с бутовой кладкой. За нее взялась другая комсомольская бригада, опытная чернорабочая. Через неделю главный инженер района Тимофеев официально заявил:

— Комсомольцы — молодцы. Качество их работы по кладке бута — великолепно.

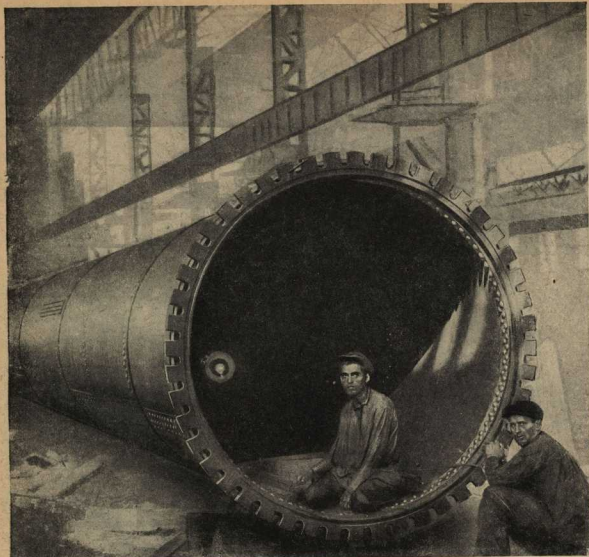
— Наши девушки, товарищ делегат, — не жаровские и не утинские «красивые девуш-

ки», — наши боевые девчата-ударницы были перами во всех этих делах. Я говорил тебе, как ликвидировали прорыв в гавани наши ударники. В их числе были девушки. Они нагружали ребяткам мешки песком, гравием, опилками. В гавань пожаловал «сам» мистер Майтер, глава группы американских специалистов и представитель фирмы «Остин и КС». Но пусть не думает он, что у нас есть разница между ударниками и ударницами. Никто их к этому не побуждал, но как-то случилось так, что при появлении мистера Майтера все девушки побросали лопаты и сами, с веселыми криками, потащили тяжелые мешки...

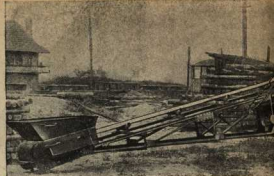
Я не могу тебе, дружище, зарас рассказать обо всем, что сделали молодые строители автомобильного гиганта. Не успею, если даже и буду говорить скоротворкой.

Для ликвидации прорыва организовали «засем свободных часов». Засем дал 21 000 часов. Из них 16 000 уже использовано — 5 000 остались в резерве.

В ноябре, в пятидневник подготовки к строительной зиме, отеплили бараки, подготавливали к зимней работе.

Заворочный котел для санитарию парика. Суевский завод им. Фрунзе.

М СТР МАШ

Я. Н.

НАСЛЕДСТВО И ТЕМПЫ

От старой царской России нам досталось небогатое наследство. Россия была страной отсталой, страной сельскохозяйственной. Но и сельское хозяйство в ней велось первобытными способами.

Известно, что степень хозяйственного и культурного развития любой страны можно определить по объему производства и потребления в этой стране металла.

Повыема тому назав вылавка чугуна в России доходила всего до 450 тыс. тонн; в то же время Англия выплавляла около 7 млн. 900 тыс. тонн. Америка свыше 3 млн. 850 тыс. тонн, Германия 2 млн. 730 тыс. тонн, маленькая Бельгия — и та выплавляла 608 тыс. тонн. Россия стояла в самом хвосте культурных и технических развитых стран.

Царская Россия была над увеличением вылавки чугуна. Зависимая от европейских капиталистических стран, подавленная буржуазно-помещичьим строем, Россия не была в состоянии развить тающиеся в ней колоссальные производительные силы.

Печальное наследие давит на нас и до сих пор. Сейчас, когда мы бурно развиваем социалистическое строительство, идя при этом невиданными для капиталистического мира темпами, мы еще далеко отстали от технического уровня, достигнутого передовыми по своему промышленному развитию капиталистическими странами.

В 1928 г. вылавка чугуна в Соед. Штатах достигла 33,5 млн. тонн, в Германии почти 12 млн. тонн, во Франции 10 млн. тонн, в Англии, сильно снизившей производство по сравнению с довоенным временем — 6 млн. 700 тыс. тонн, в Бельгии 3 млн. 900 тыс. тонн; у нас же, в СССР, только 3 млн. 370 тыс. тонн. Таким образом мы еще в 1928 г. не могли вернуть даже довоенного объема своего производства чугуна. Этот довоенный уровень у нас достигнут и превзойден только в 1929/30 г.

В 1931 г. производство чугуна должно быть доведено у нас до 7 млн. 500 тыс. тонн, а к концу пятилетки до 17 млн. тонн. Мы встанем на второе место по мировой вылавке чугуна. Впереди нас будут лишь Соединенные штаты.

Колоссальная работа по индустриализации страны немалыма без широчайшего развития металлургической промышленности. Металл — это тот материал, из которого главным образом создаются все машины. Металл составляет материальную базу развития всех отраслей народного хозяйства.

С тех пор как в 1800 г. Уатт заменил последнюю деревянную часть своей паровой машины — балансиры — чугунным балансиром, железо превратилось в единственный материал для орудий труда и стала решающим фактором развития материальных производительных сил.

Развитие машиностроения, проникновение машин во все отрасли труда вызывает все большую и большую потребность в металле. Созданный Эдисоном в 1930 г. турбогенератор обладал мощностью в 5000 киловатт. В настоящее время строится турбогенератор в 280 000 киловатт, вес его составит 16,5 тысячи тонн. Этот пример показывает рост потребности в металле, вызываемый усовершенствованием и увеличением машин.

Металлургическая промышленность должна развиваться форсированными темпами. Можно даже сказать, что металлургическая промышленность должна развиваться более быстро, чем все остальные отрасли. Металлургия должна идти впереди, обеспечивая метал-

лом все отрасли народного хозяйства, являясь основным, решающим звеном в деле индустриализации страны.

СССР должна стать страной индустриальной. Не только промышленность, но и сельское хозяйство должны быть индустриализованы. Машини должны проникнуть во все отрасли хозяйства. Машини должны вытеснить рутинные, устаревшие формы человеческого труда.

ЛИКВИДАЦИЯ ЗАВИСИМОСТИ

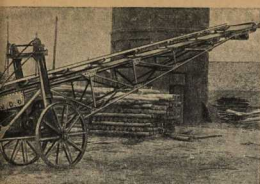
Мы должны пробудить неисчерпаемые богатства Союза, превратить угольные пласты Донбасса, Кузбасса, Подмосковного района, широко раскинутые залежи торфа в десятки, в сотни миллионов «лошадиных сил», работающих на человека.

Заставить многоводные, быстрые реки нашей огромной страны вертеть тысячесильные турбины, которые дадут электрическую энергию — базу социалистической техники.

Перестроить сельское хозяйство, поднять новые пласты черно-

Подготовительная сборка товарных ст

Ы О И М ИНЫ

АН

Счетный баггер на торфоразработках.

зема, питать их химическими удобрениями, чтобы они зацвели тучными колосьями постоянных урожаев. Машинизировать сельское хозяйство и машиной поднять его на требуемую высоту.

Нефть, торф, руда, леса и поля — все для великой стройки социализма!

А для этого как можно больше машин!

Машина нужна, чтобы во сто крат быстрее и экономнее заработало наше хозяйство.

Там, где сейчас трудится человек, должна работать машина.

Станки, дизели, паровозы, котлы, насосы, компрессоры, мотовозы, электровозы, буровые станки и много-много других машин требуют растущее хозяйство СССР.

Мало того, что к концу пятилетки нам потребуется во много раз больше машин, чем производила и потребляла старая Россия в довоенные годы. Мы должны еще организовать у себя производство очень многих машин, которые никогда в России не производи-

лись. Надо совершенствовать, согласовать с новейшими требованиями промышленной техники и экономики те машины, производство которых уже усвоено нашими заводами.

Такие автоматы, прядильные машины, стекловые машины, оборудование для нефтяной промышленности (кренки и др.), врубовые машины для добычи угля, оборудование для обогащения угля и других полезных ископаемых, газовые машины, сложные комбинированные станки и автоматы, гигантских размеров турбины, дизеля и иного типа мощные двигатели — все это новые машины, которые начинают строиться впервые в нашей стране.

То, что раньше доставлялось нам другими странами, за что уплачивались миллионы рублей золотом, что превращало Россию в «придаток капиталистических стран», будет теперь производиться внутри нашей страны, на наших заводах, которые мы реконструируем, и в большом числе строим заново.

МАШИНЫ, МАШИНЫ, МАШИНЫ!

Бурно развивается социалистическое строительство Советского союза. Социализм наступает по всем фронтам на капиталистические элементы в нашей стране. Преобразовывается на социалистических началах сельское хозяйство. Ликвидируется кулачество как класс на основе сплошной коллективизации. Растут новые промышленные районы и центры.

Мы видим быстрое развитие лесной, лесохимической и бумажной промышленности на далеком севере. В приморской части этого огромного района идет быстрый рост рыбных и зверобойных промыслов, рост консервной промышленности. В Хибинских горах холодного Мурманского края положено начало развитию мощной добычи апатитов — ценнейшего удобрительного вещества.

В северной части Урала возникает крупное производство другого удобрительного вещества в калийных рудниках Соликамска. В южной части Урала начат строительством огромный Магнитогорский металлургический завод, второй по величине в мире.

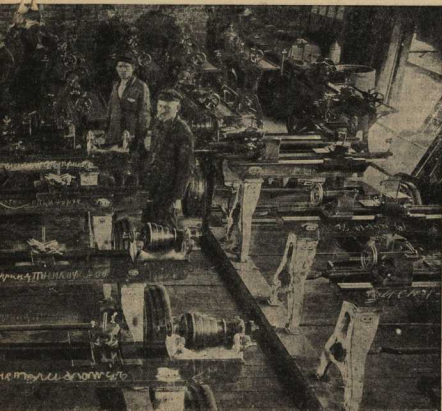
Сталинград, Саратов, Нижний Новгород превращаются в новые, крупнейшие в Союзе центры общего и сельскохозяйственного машиностроения. В этих городах будет развито мощное и притом новое у нас производство тракторов, сложных сельскохозяйственных машин, автомобилей. Расширяются другие машиностроительные производства, как дизельное, судостроительное, выпуск станков для металла и дерева, насосов, компрессоров и многих других видов машин, необходимых различным отраслям нашего хозяйства.

Могучими темпами промышленного развития охвачены Северный Кавказ и Закавказье. Создан новый крупный металлургический центр в Крыму — Керченский завод.

Одно из крупнейших в мире предприятий — завод-комбинат сельскохозяйственных машин, создан в Ростове на Дону.

Идет грандиозное строительство на Днепре. Создается новый огромный город с предприятиями металлургии и химии будущих потребителей энергии Днепровской электростанции.

Идет бурное развитие цветной металлургии в степях Казахстана, в горах Алтая, в далеком Забайкалье. Перенес индустриализацию Западной Сибири, мощный Кузнецкий металлургический завод строится ускоренными темпами. Мы видим бурное развитие хлопководства в Средней Азии, центр которой недавно соединен с Сибирью железнодорожной колеи Турксиба.

в на заводе «Красный гидрорес».

Конференция комсомола Красной Пресни в Москве. Серава — делегат лигиора «Марат», подшефного московской организации ВЛКСМ.

Строются гиганты машиностроения — Уральский машиностроительный завод, Краматорка, ряд станкостроительных заводов, завод текстильных машин и т. д. Реконструируются старые заводы. Все они требуют оборудования для своих цехов.

Шахты, рудники, нефтепереработка, торфоразработки, металлургия, машиностроение, совхозы, колхозы, фабрики-кухни, хлебозаводы, прачечные и др. — все это должно быть механизировано. А для этого нужны машины.

Новые задачи встают перед советским машиностроением: надо расширить производство оборудования для обеспечения социалистической стройки Советского союза.

В ТРЕТЬЕМ ГОДУ ПЯТИЛЕТКИ...

Паровозы, вагоны, котлы, небольших мощностей двигатели и другие виды простых машин производились у нас и в дореволюционное время. Но производились в очень недостаточном количестве. Капиталистические страны имели в России широкий рынок для сбыта продукции своей индустрии. Россия была сельскохозяйственным придатком к индустриальным капиталистическим странам.

Советский союз, строящий социалистическое хозяйство, должен полностью освободиться от иностранной зависимости. Мы не только должны расширить строительство машин, которое было налажено у нас раньше, мы должны организовать производство новых машин, которых никогда не строили, заимствуя опыт передовой техники капиталистических стран и обогащая эту технику.

Решающая проблема сегодняшнего дня — проблема металла. Механизация процессов производства металла является важнейшей задачей.

Компрессоры, насосы, бурные станки, буры и отбойные молотки, экскаваторы, вагонетки, погрузочно-разгрузочные устройства, саморазгружающиеся платформы и вагоны, подъемники, электроподъемники далеко не полный перечень того оборудования, которое необходимо для механизации наших рудников и рудных дворов металлургических заводов. Без такой механизации мы не осуществим в намеченные сроки ни реконструкции существующих металлургических заводов, ни строительства новых, как заводы Магнитогорский, Кузнецкий, Днепросталь, Тагильский и др. И это оборудование мы строим.

Процесс производства металла невозможен без топлива. Уголь, нефть, торф и др. необходимы и для обеспечения промышленности электроэнергией. Без механизации и здесь дело не двинется вперед. Старый Донбасс должен быть превращен в механический Донбасс. Должны быть механизированы подмосковный бассейн, нефтепереработка, торфоразработка. А для этого нужны машины. Мы строим врубовые машины, транспортеры, подъемники, копры для шахт. Строим бурные станки, глубокие насосы, крупные насосы для нефтепроводов, групповые качарки для нефтепромышленности. Строится специальный завод торфяных машин, который будет производить

краны торфососные, торфорастиратели, торфососы, баггера и др.

Строящиеся металлургические заводы требуют не только руды и кокса, они требуют и такого оборудования, которое сумеет превратить эту руду в кокс, в чугун, а чугуны в сталь. Металлургическим заводам необходимо оборудование для доменных, мартевских и прокатных цехов. Краматорский, Бриксинск, строящийся Уральский заводы организуют производство воздушных устройств, прокатных станов, блюмингов и др. оборудования для металлостроения. Блюминги — это крупные обжимные станы, производящие заготовку не менее 100 мм в квадрате, весшие 2750 тонн; будут введены в строй на наших заводах. Из 10-12 блюмингов, требующих на ближайшие годы для наших заводов, не более двух будет куплено за границей. Остальные будут строиться нашими заводами. К постройке первых блюмингов приступлено на Краматорском и Ижорском заводах.

Выпущенный металлургическими заводами металл превращается на предприятиях металлообработки во все виды машинной продукции. Для такого превращения металла во всевозможные изделия необходимо также самое разнообразное оборудование, среди которого первое место должно быть отведено станкам.

Мы еще не наладили у себя производство всех видов станков: revolverных полуавтоматов, автоматов, многоспиральных сверлильных, горизонтально-сверлильных, вертикально-фрезерных, зубочерных, плоскошлифовальных и т. д. Эти станки мы все еще вынуждены ввозить из-за границы.

К концу пятилетия будет закончена реконструкция существующих семи станкостроительных заводов и построено еще 15 новых, из них 11 основных, 3 вспомогательных и 2 литевых. Производство станков будет доведено до 40-42 тыс. штук в год. Все то, что сейчас нам приходится ввозить из-за границы, мы начнем производить на своих заводах. Собственное станкостроение обеспечит необходимым оборудованием вновь строящиеся металлообрабатывающие заводы.

Необходимо указать на такие крупные сооружения, как кренинг-заводы, как драги для золото-платиновой промышленности, как громадных размеров дробильные машины для обогащения руд и углей, как машины для промышленности строительных материалов — цементные пилы, кирпичные прессы и др. Всем известно, какую коренную ломку производит тракторостроение в деревне, толкая разрозненное крестьянское хозяйство к объединению. Большими темпами мы развиваем автомобильную промышленность нашей страны. Строится под Нижним гигантский автозавод, организующий массовое производство автомобилей по последнему слову техники. Важно одно: социалистическая стройка требует огромного количества машин. И эти машины мы должны производить сами.

«Держать курс на индустриализацию страны, «развитие производства средств производства» — это требование строящегося социализма будет выполнено во что бы то ни стало.

ДОВОЛЬНО!

ИОГАНЕС БЕХЕР

Эта фабрика
приподнята
над городской окраиной,
там, где ветер выметает
чотовы поля,
там, где ночь придавлена
грохотом отчаянным,
там, где гарью дышит
ржавая земля.

...Текучая лента
течет и течет
(дыханья не перевести!),
Текучая лента
течет и течет
(от конвейера не отойти).
Текучая лента
течет и течет
Люди —
глухи и слепы.
Текучая лента
течет и течет.
Люди —
Кости и пыль.

Люди брусок за бруском
сверлят,
подпиливают,
куют...
Чугун разливается, как закат,

и звезды литья
над цехами встают!..
Но люди посторонам не глядят,
и каждый работает, как автомат,
и руки не устают.

Неустанно гремит металлический гром
(стальные листы тверды!).
Из труб вырывается напролом
красный и грузный дым...
И людям на сердце пожилась тень
Т.к. было каждый день.
Но раз,
перед началом работ,
люди сошлись у фабричных ворот
и каждый из них сказал:
«Текучая лента
течет и течет,
нас время пихое
берет в оборот,
нас голод сюда созвал»..
НЕУКРОТИМЫЙ с черным лицом
крикнул:
«Братья!
Взгляните по сторонам.
Нет хлеба!
Нас кормит солдатским свином
Германия — наша страна..
Попробуй — наши потери измерь!
Мы дрались

на Марне
И под Верденом,
не зная,
что враг — это тот,
кто теперь
вместо хлеба
дает взамен нам
голод,
холод
и смерть!..
Довольно!
(Стекла летят на панели),
«Довольно!»
(Смена бросает конвейер).
«Довольно!»
(Дамин в руках загудели).
«За нами!»
«На площадь!»
«Живее!»

Срочно вызывали провода,
передавая в полицию без остановки
о прямой,
беспощадной
и, как никогда,
решительной забастовке!

Вольный перевод
ЛЕОНИДА ШЕМШЕЛЕВИЧА

Делегаты-комсомольцы из Денгу и Бухары на 1-й краевой учредительной конференции среднеазиатской организации ВЛКСМ в Ташкенте.

На том берегу телеги колхозников остановились, ожидая Пырного. Он приехал вместе с обривом в кожаной фуражке и двумя телегами камвольщиков. Обоз опять остался на том берегу. Зоркие глаза Коржика видели, как меться по берегу старик в казацкой фуражке и следом металась длинная желтая борода его. Старик что-то кричал, взмахивая кнутом, но голос его не долетал. Берег зыбился прозрачным, как вода, сняв тень горы, и в ней токнул телеги обоза. Паром собирался опять отчалить.

— Брось ты их, — сказал Коржик паромщику.

Ему очень хотелось, чтобы кулаки остались на том берегу на ночь.

Но у паромщика был свой расчет. Он надел на весло и крикнул:

— Возьму двойное — кони у них больно рожи!

Нифонт небодобрительно покачал головой и вздохнул:

— В кого ты уродился такой злощип, Петья? Ну пожалели люди своего труда, не пустили мы их зато перьями. Что ж им до окончания века там сидеть? Ведь скотину мы жалели, а человека так нет?..

— Ложись-ка ты спать, Нифонт Семенич, — небрежно отмахнулся Коржик, чувствуя себя в чем-то уверенней за сегодняшний день. Он обернулся в сторону тундошинского колхозника, но Пырного уже отъезжал. Он торопился еще сегодня попасть на место. — Отъезжая, он помахал Коржику рукой и крикнул:

— Ворочаться будете — заезжайте, поглядим, кто кого!

— Ладно, — кивнул с сожалением Коржик, — очень ему понравился Пырный.

— Ну, заворачивай, — сказал он недовольно Нифонту..

Телеги свернули. Последнее, что увидел Коржик на том берегу, был новый столб. Он выступал светлым, четким пятном над темной скалой, над избушками Камвольнического, распахившимися внизу и сливавшимися в тумане с берегом. Он был даже выше тонкого серпика месяца, карабкавшегося медленно из-за деревьев. Коржик еще раз обернулся, чтобы взглянуть на столб, который ему напоминал о тундошинском колхознике, и поехал на ночевку.

кавал «загорел». В жаркой, где затаился человек единственная суeta утрянного, народ, что собрание огорошило участкового. Это значило:

Наря 75
Думая дая 100
Дадим 30

Бросился к монтеру. Он успокоил:
— У меня запасных штуки 4 валяются.
Сейчас поеду.
— Наверняка будут?
— Не беспокойся. Если сказал— считай, сделано...

Прошло полчаса. У мастерской снова разговор с монтером. В его глазах капля замешательства.

Запасные дышла оказались только мечтой. Были они заказаны недели две назад в механической, а оттуда отвечали что-то нечленораздельное. Потом спокойно и невозмутимо:
— Не подготовили. Через неделю сделаем.

Оставалась перспектива— выдуть дышла из шахты, варить своими доморощенными способами и несколько часов потратить на обратную транспортировку и установку.

Срочно бросив слесарей на сварку, Федор сам пошел в механическую. Заказ был передан две недели назад. Как можно терпеть такое безобразие в дни напряженнейшей борьбы за дышла?

В контуре механической разгорелась перепалка. По словам механика, заказа на дышла вообще... не было. Перерыл стопку заказов— нашли. Пошли в литейную. Среди кучи старого хлама были вскоре найдены и отлитые дышла.

Тогда по телефону, несколько раз сошлись напомним с главным, громко сказали:
— Через полчаса дышла должно быть.

Федор контролировал ход по мастерской. Вспросившаяся тут же. Смилься застенчивым. С каждым ходом напыльника уменьшалась опасность. Не сорвался! Выверенный! Цикл будет сохранен!

Потом была стачка с дежурным у стола. Он имеет право не спускать людей в шахту. Уговорили— дышла пошло в шахту.

В книге участка за 19 июня:

Наря 75
Нагумено 76

В 9.30 утра поволазил дышла. Остановка сямше полутора часа. До прибытия конюга дышла уголь проталинками ударные группы вручную по раштакам.

ПАМЯТКА. 1. Завести запасные части к конвейеру и врубовой. Срок до 25-го. Совсем частей со- ставить с Ворониным.

2. Выяснить причины поломок.

3. Организовать разъяснение о предупреждении пожара.

4. Не допускать перегруза конвейера.

Была это одна из первых встреч Федора с неподходящей. Ставил он за ней точку. Знал с поломками можно бороться. Могут и дожины быть они списаны со счетов жизни участка «Гостый первый восток».

Каждый день шахта давала 85—90% же еще дальше и дальше, и на «Гостом» начала давать 100—110—120% этого же жесткого плана.

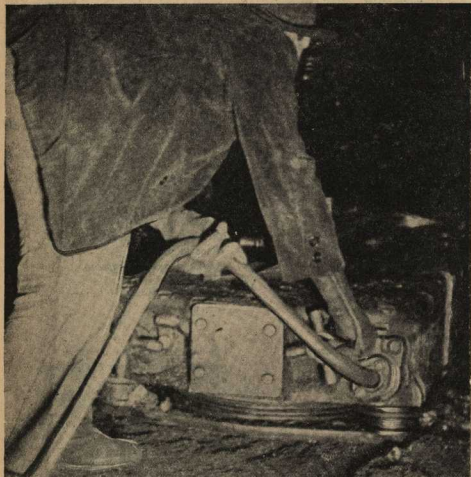
Текли люди.

Кто-то из рабочих лавках «Углекопа» срыдательски отходил поля. Не было мыла. Срыдательские снабжение. Выли дни, когда люди из шахты «изо дня в день не получали положенной нормы. Ругались. Скандалили. Уходили.

Откуда-то из казарм ползли слухи— один неселее другого. Головоломство вооружало фактами кулацкую агитацию. Тянулись руки к шахтным механизмам— главнейшему участку шахты. Кто-то изобрел мотор, который бот. Мотор горел. Расплавлены подшипники «от неизвестной причине». Поломил. Обрыв каната. И во всех этих «неподладках» не только даны некультурности, немужество работать, в них огромная доля реальной мировой классовой, немужество раскулаченных «среднекулаков», принахты на шахту из-за катастрофической нехватки рабочих.

Удивительные вещи отмечают кривые. Лие из них, показываясь выпукление программы и выход на работу, казалась, должна пасть одинаково. Но были дни, когда шахта выполняла план, а кривая выхода опускалась вниз. И наоборот: в дни почти полного благополучия с выходами кривая добычи стремительно падала.

Значит дело не только в количестве.

энтузиазма

...70 метров железных решеток «сблочено в конвейере. Вздрагивают решетки, ползет по ним уголек. От забоя его подают молодые ребята— навалочки. Ненаасыт рештак. Трудно такую упругую поддавать уголь лопатой.
— Дай пропущу одну-две... А то сыпуну под ролик... станет, сволочь,— робко лезут малыши.

Не уследить по лаве, кто затормозил решетки. Работает мотор, тужится— все напрасно. Конвейер стоит. А мысли ползут дальше:
— Не мое— казенное. Все равно, лишь бы норму дать... Не дадим— доплатят.

Человек машине враг. Он боится и ненавидит ее за повышенные нормы, за увеличение квалификации шахтера, за вмешательство в распорядок его работы. Он забоял уже о рабочем труде саночника, ушедшем в прошлое с появлением конвейера.

Недавно американский ученый Стюарт Чейз выпустил книгу под названием «Люди и машина». Чейз пишет: «Машины зачали и начали подходить и размножаться по своим собственным законам. Человеческие существа, стояв заблаговременно вскрывшие их, проносились и нашли себя в окружении новой расы диких и опасных зверей, господствующих над ними». Человек машине враг... Совали мысли разгитированного кулацкого слухами «рабского» парвняка с мыслями высококультурного американца.

Не узнали участковые с пласта «Гостого» о книге Чейза. Знали— в основе социалистического соревнования нужно сжечь, перепахать вражду, знаменем участка сделать борьбу за цикл, за машину.

Вступили в борьбу за цикл десятки ударных групп, создавшихся на участке среди крепильщиков, отбойщиков, навалочников, вагонщиков. Показателем служила часть цикла, доведенная до каждого рабочего. Многие из этих людей не значились в ударных списках шахткома, но их работа, подчиненная кладочному контролю и сравнению с другими, была работой ударников. Они вынесены на участке черную доску— ползот, кто попадет на нее!

Подрубить пласт вдоль всей лавы врубовой, проубить бурки, выпалить их, чтобы

«расшевельить» уголь, отбить его обуюнком и перелопатить на ленту конвейера, закрепить лаву, подутьить освобожденное пространство породой— это цикл. Операции повторяются неизменно с нерушимой точностью.

Эту точность принесли в лаву машина. Она отменила «безмерную» работу вручную, разделила труд между человеком и врубовой. В разных лавках укладывается цикл в двадцати-тридцати-сорокачасовой срок. Весь механизированный Донбасс борется за «цикл в сутки».

Срыв цикла ломает планы. Смена, работающая с утра, пришла на следующий день, находит работы неподготовленными. Цикла не выложился в сутки. Сломался, сорвала работа. Люди оставлены без дела. Простой. Затем автоматически возникнут задержки. Добыча сорвана.

От бармоновских «краснокоп» с деловскими обычаями шахты уходили к распорядку заводских цехов, фабрик. Этого никак не могли понять многие, прошедшие школу старой шахты. Машина для них оставалась второстепенным подспорьем. А лаву надо было перестраивать на дружбу с машиной.

Главное— рассчитать.

Цикл— сутки. Сутки— цикл. Врут в лаве, что дружина в часе. Завели дружину— идут часы. Сделали вруб— пошел цикл. И так до нового вруба— 24 часа.

Первые дни, когда приучали лаву к сучному циклу, помощник участка, студент Горного института Федор почти не вылезал из шахты. 15 часов на участке, часа 2 в пути, час на еду, остальное— сон. С часами и руках он размечал точнейшее время операции. И разметки, приучал к ней людей.

Бурить начинать с такого-то часа, столько-то времени— таков порядок. Иначе будет сорван цикл.

Отбить уголь к такому-то времени, чтобы лавы была чистой к приходу машиниста. Иначе будет сорван цикл.

Закрыть лаву, подчистить уголь обязательно за ночь. К утру лавы должна быть опорожнена зарубку. Иначе— срыв...

...Утром, в разгар смены, у конвейерного мотора в лаве погинуло дышла. Дежурный вы-

Был месяц июнь. Уехал артельщик, ведущий бурение в нулевых штреках. Нет людей. В бога, мать, отца, сына, крест божий ругался старый шахтер Семникова бурю «кривков» (окреши издавна так ручной бурильный станок системы «Рачет») крошили, словно стеклянные. Не поддается порода. Решил бросить участок Семников, взять расчет.

В нарядной его долго расспрашивали оба техника. Доказывали, что он неправ. Рассказывали — надо найти в порядке прослоек и по нему гнать буры. Договорились — если даст «продвижение», переведут его в старший разряд и отлучат на красной доске.

Сейчас Семникова зовут на участке «сумасшедшим». Дал он на крепкой перевальной породе невиданный ход вперед. 34 метра в месяц. В хорошие дни, на хороших харчах, при хороших людях и 25 считали победной нормой.

К каждому нужен особый подход.

Гнал штрек Герасименко. Жил он на поселке в старом заброшенном сарае. Долго просил квартиры — оттягивали. Решил уйти. Ему, старому квалифицированному крепильщику, все двери открыты. Уже давно завлек его на соседнюю шахту. Тогда участковый Сиенко пришел к управляющему. Тот немедленно отдал приказ. Герасименко получил квартиру — их десятки были заняты на поселке чуждыми людьми.

И штреки шли... Они казались коридорами какой-то образцовой наставочной шахты. Даже грязь, и ту вывели!

Приходил на участок Зайцев — главный инженер. Знал он шахту, как свой палисадничек. Знал рабочие Зайцева «жилой». В нарядной техник настороженно следил глазами за извилистым путем его от стога к столу. Остановится — быть беде. Крутки людей. Знал слова крепкие, как порода в перевалах. Право на них давал многолетний командирский так по уголю и партбилет, заслуженный преданностью революции.

На участке, бережно роняя слова, Зайцев сказал:

— Хороши работы. Лучшего и желать нельзя. Держите...

Был в последнем слове не то приказ, не то вопрос оговоренному Федору.

Лавы стала хронокартой. На ней размечены люди, время, сроки. Цикл — сутки. Сутки — цикл. Искусство управления превращает всю шахту в тонко сложенную безупречную машину. Сумма операций равна 24 часам. Не больше. Меньше можно. В круговороте каждый срок проверен практикой.

Цикл принес победу. Энтузиазм выражался в победе над «стихийностью», в четкости и точности процесса. Машина и соревнования дали на «Голстом» невиданную производительность: 2,31 тонны на человека против 0,55 среднедобассовской. Выше показателей Европы! Выше показателей Франции! И это в дни, когда, зажатая в тиски продовольственных трудностей и текучести, шахта гасила звезду первенства.

«Голстому» прочили прорыв.

— Сорветесь... Разве можно так гнать? Мы ведь знаем, откуда такая добыча!

Ехидная усмешка была вступило. Она намекала на трюк, который называется «фронт».

«Фронт» — это линия забоя.

Линию составляют лавы и подготовительные работы — забой штреков.

Нет людей. Ретивые гонят лаву без подготовительных. План выполнен. Премии, похвалы. Лавы загоняют все вперед и вперед. Стоп. После головокружительного подема стремительное падение. Разгадка проста. От стали подготовительные, и «прорыв» обеспечен.

Кто не знает в шахтах этого преступного варварского метода? Именно о нем говорил техник «Голстого».

Федор посмеивался. Штреки дали проходению больше лав. Подготовительные оказались безукоризненными.

На техническом совещании его спрашивают:

— Как? Как вы добились таких успехов?

Ему нечего было говорить. Слова казались шаблонными. Пришлось бы говорить о правильной организации труда, о соцсоревновании, о нагрузке машин, об учете каждого человека — о математике энтузиазма.

В стенах у Каденкиа десят шахта. Ночью над златанем шахты снова горит звезда — красная и горячая, как пламя.

Как и тогда у башни, на путях ветер рвет лозунги. Фонарь с тереконника влет перекличку шахт.

На шахте «прорыв»: пласт «Голсты первый восток» перевыполнил задание.

Буровики входят в строй социалистического Донбасса.

Буровые машины подрубает пласты советского угля.

Механизация — залог выполнения программы.

БОЛЬШЕВИКИ ХИБИНСКОЙ ТУНДРЫ

Сорок восемь часов езды от Ленинграда на север мимо Волховстроя, Свиристия и Невстроя. Поезд мчится к Арктике. Мелькают ст. Полярный круг, Петропавловск, Кандалякчи. Близ Кандалякчи находится небольшой разъезд Белая, давно выросший в большую станцию Апатитовая. Вправо от станции, между холмами, непроходимыми болотами и отвесными горами, проложены грунтовыми и железная дороги, ведущие вглубь Хибинской тундры.

Сюда невозможно было пробраться. Энтузиастам тундры приходилось вонять хлеб в сильные морозы на оленях из Кандалякчи. Ехали по 3-4 суток, в то время как теперь автомобили едут производством Ярославского завода делают веческих условия приходилось работать первым советским пионерам, пришедшим в тундру. Без сна, в палатках, по пояс в снегу, при очень сильных бурных люди врезались далеко в тундру и делали свое большое дело.

У подножья апатитовых гор Кукуисумчорр и Югспор, где дни и ночи добывают апатит, — колышется шум компрессоров и механических молотков, ляг вагонеток и бремсбергов. Изредка слышны канонады взрывов, срезающих тоны апатита.

Почти круглый год в тундре сверстают бури, снежные ураганы, сбивающие с ног людей, лошадей, оленей и постройки. Хибинь — полярная пустыня. До последнего времени она давала суровый приют нескольким семьям лапландцев, которые со своими оленями стали скитаться по горам и горным долинам, теряя силы в неравной борьбе с природой. Хибинский массив — обширный осколок Скандинавского хребта, «прильзвивший» сюда в эпоху образования земной коры. В своем ледниковом шествии с севера на юг природа потерила здесь жемчужное зерно — большую апатитовую гору. Такую же гору природа выхотило заносила на юг, в Марокко. На всем земном шаре есть только два богатых месторождения апатита — Марокко и Хибинь. В Хибинской тундре апатита неисчерпаемое дно и он лучше по качеству марокканского. Марокканский апатит, который мы ввозим, стоит нам 25 рублей золотом за тонну, а тундрный — 18 рублей. Апатит идет для удобрения и других химических целей. Для Кольского полуострова апатит имеет колоссальное значение. Он превратит Карело-Мурманский край в крупнейший и индустриальный центр.

Близость Мурманского порта и Ледовитого океана даст возможность экспортить апатит и получать машины. В недалеком будущем Мурманск и Хибингорск станут крупнейшими промышленными центрами.

★

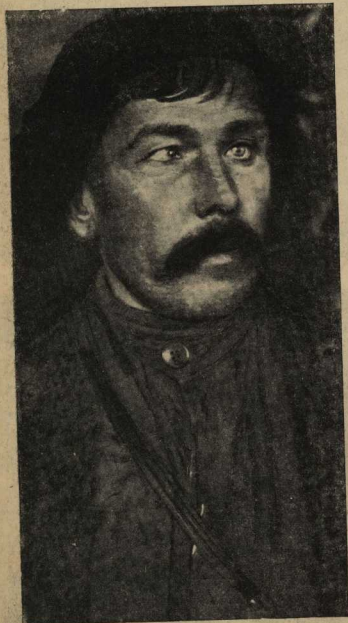
Гордость тундры и апатитовых разработок является электростанция. Силовая электростанция общей мощностью до 10 тысяч киловатт строится с мая 1930 года. Предложено пустить ее с 5 февраля 1931 г. Это трехэтажное железобетонное здание, интересное по своей архитектуре, строится на берегу озера Б. Вудьяви. Станция будет снабжать электрической энергией горные разработки — моторы экскаваторов, буровые машины, электровозы и т. д., освещать поселок и подсобные предприятия, питать обогащательные фабрики и др. Кроме того силовая станция будет снабжать город топливной энергией.

29 сентября 1930 года, впервые в истории, лампочка Ильича загорелась в Хибинской тундре. Работа на руднике производится дни и ночи. В 13-ю годовщину Октябрьской революции загорелась красная звезда на горе Кукуисумчорр.

Девяноста девять процентов работающих на разработках оставили свои семьи за тысячи километров отсюда. Абсолютное большинство работающих смотрело на свое пребывание в тундре, как на явление временного порядка. Такое отношение к производству исчезает в огне социалистического соревнования. С постройкой социалистического города оно исчезает окончательно.

Город уже строится. Стоимость его 25 миллионов рублей. Вырастают дома, коммуны, клуб, столовая, центральная фабрика-кухня. Дворец культуры на 2 000 человек, театр на 1 000 человек. Город без печей — центральное отделение, горячая вода, поступающая с электростанции. На реке Белая раскинется большой город, гостиница. А на Верхнем Озере отведена территория для стадиона.

Большевики Хибинской тундры завоюют для социализма этот далекий, суровый кусок земли. Советские ученые во главе с академиком Ферсманом расчленили перед строителями огромные нетронутые богатства тундры — здесь предполагаются грандиозные залежи ценных ископаемых и магнитной руды.

Тов. Горин — ударник-буржидар завальщика.

Погрузка апатита на горе Нукаисумчорре.

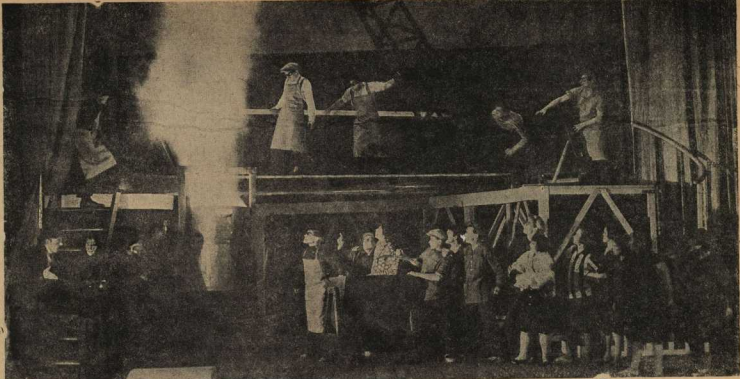
Горный инженер тов. Н. А. Се-геева — ближайший сотрудник академика Ферсмана. Тов. Сергеева работает на разработках с первого же дня рождения советского апатита.

Началась стройка электростанции на озере Большой Вудъяр.

Ежедневно на разработки приезжают на оленях из своих погостов лопари, которые вскоре войдут в ряды пролетариев апатитовой промышленности.

На снимках: сцены из пьесы „Плаз“.

О. ЛИТОВСКИЙ

Содержание трамвайной работы несравненно шире четырех букв наименования.

Трам, что означает театр рабочей молодежи, не просто новое театральное предприятие особого, специально комсомольского назначения, лучший и передовой образец массовой самодеятельности, а принципиально новое явление в искусстве. В этом секрет быстрого роста трамвайских организаций (до 70 на сегодняшний день) и влияния трамвайских методов, которые проникают и во «взрослые» профессиональные театры.

Что же нового, отличного от обычного театра, принес и несет с собой Трам?

Мы много говорили о театре-трибунале, о театре — участнике социалистического строительства, о театре, который мобилировал бы весь свой арсенал художественных средств воздействия для большинства агитации и пропаганды. Советский театр встал на этот

путь, но он еще очень далек от того, чтобы стать действительно политическим театром, необходимым звеном в общей системе социалистической реконструкции. Трам — первый театр, который ни на одну минуту не уходит от политической действительности. Трам называет политичем, и недаром он себя называет художественным агитатором комсомола.

Стремясь к злободневной политической насыщенности зрелища, стараясь художественно оформить всю «текущую политику» жизни, и первую голову комсомольской жизни, и вместе с тем не отстать от наших бурных темпов, Трам не мог остаться на позициях старого профессионального театра в смысле формальных установок. Они мало пригодны для целей художественной агитпропаганды по причине своей консервативности и малоподвижности. Отсюда низким образом не следует однако делать вывод о неужности учебы у «стариков», особенно по части технического мастерства. Но самое содержание трамвайского спек-

такля требует живых, своеобразных приемов воплощения. Эти приемы органически вытекают из политической и классовой целесообразности Трам. Любопытно отметить, что и в профессиональном театре «политика» все чаще и чаще подается именно трамвайскими средствами.

Трам растет из самостоятельного творческого театра, усовершенствованного нашими революционными левым театром (Мейерхольд). В своей театральной работе Трам черпает средства из молодежного быта и обихода (песни, физкультура, клубная игра). Это делает художественно-режиссерские приемы Трам понятными и не изощренным рабочему зрителю, несмотря на их сложный зачастую замысел.

И наиболее характерной особенностью трамвайского театра является то, что он использует одновременно все виды сценических жанров (малая форма, большая форма), весь арсенал средств театрального показа (музыка, свет), часто «одолажает» и у «соседних» искусства (цирк, кино), при чем такое использование всех средств искусства низким образом не есть механическое их смешение, а попытка создать зрелище синтетическое, сочетающее в себе все элементы искусства.

Творческий метод Трам по своим тенденциям и устремлениям отличен от творческого метода индивидуалистического, психологического театра. Трам берет явления и характеры не так, как они даны, а пытается показать их в процессе развития, во всей сложности и противоречивости, в движении, т. е. пытается построить спектакль по методу материалистической диалектики.

Но эти попытки (особенно убедительные в «Клеше задумчивом») не получили дальнейшего развития по причине вреднейшей идеалистической путаницы, внесенной в трамвайское движение одним из его влиятельных идеологов — А. Пиотровским. Проповедуемая им метафизическая диалектика, диалектика, исходящая из форм спектакля, а не его содержания, повнито ничего общего с марксизмом не имеет. Подобная диалектика не могла не привести и привела ко всякого рода механистическим уклонам, отразившимся на практической работе Лентрама и Трамво вообще.

По Пиотровскому например, актер не более как составная часть спектакля, на ряду с музыкой и светом, т. е. актер ставится в одно положение с вещью.

Нездоровье!

Но отсюда и недооценка актерского мастерства, характерная для Трам, и сильнейшее увлечение формальной стороной спектакля уже в самый ущерб его живой, политической части. В этом отношении последние постановки Лентрама («Целлина», «Выстрел»), несмотря на их политическую актуальность и интересное, порой блестящее сценическое разрешение, сигнализируют о некоторой «жесткости», ибо там театр едва не оказался пленником, а не хозяином им же найденных приемов.

Трамвоны своевременно разрядили угрожающую опасность и решительно теперь ее преодолевают. Делается все, чтобы укрепить такие слабые участки Трам, как актер, изви-

нижения перед трамваем — они против этого названия) и драматург.

Трамвайская драматургия и игра нуждаются в профессионализации, но в смысле впитывания в себя приемов старого мастера, но в смысле достижения максимальной квалифицированности в своих новых приемах. Необходимо достичь художественного и технического совершенства, оставаясь в пределах своей трамвайской методики. Недостатки Трамва — это недостатки неокрепшего молодого организма, недостатки коллектива, не имевшего никакого опыта в прошлом и начавшего строить на равном месте.

Вель Трам — это отнюдь не только театр и во всяком случае не театр в старом понимании этого слова. Трам стремится к тому, чтобы использовать все средства искусства, будь то музыка, драма, изо, танец, движение, с определенной агитационно-пропагандистской целью: ввести искусство в политику и быт. В связи с этим, как совершенно правильно указано в материалах к III пленуму Трамва, как данному этапе Траму должен сделаться своеобразным художественным комбинатом, внутри которого согласованно действуют различные творческие секторы: 1) режиссерско-драматургический, 2) театральный, 3) изобразительный, 4) музыкальный. Дальше следует описание работ этих секторов, которые

должны, опять не замыкаясь в театре, менять также над художественным оформлением праздника, быта и т. д.

Пока что Трам еще изрядно страдает театральным уклоном и свою развернутую программу деятельности осуществляет крайне медленно и нерешительно. Но путь намечен правильный. Сила Трам заключается в многосторонней и разнообразной связи с жизнью и производством. Занавес не отгораживает трамвайской сцены от аудитории. Аудитория случайно в зале — завтра она может быть на сцене; это будет новый отряд трамвайцев, ибо истоки Трамва в самостоятельности масс.

Вот почему для Трамва был гибелен отрыв от массовой художественной самостоятельности. Такой отрыв привел бы к заострению Трамва в духе традиционного профессионализма. Трам — первый и самый лучший самодельный кружок, объединяющий в себе все виды искусства. Трам — мастерская, в которой шпильются самородки массовой самостоятельности. Трам — ведущий отряд художественной самостоятельности рабочего класса — отряд, этой самостоятельностью питающийся и пополняющийся.

В эпоху социалистической реконструкции, в период напряженнейших боев за социализм искусство не может оставаться в стороне от общественной борьбы. Оно должно полностью стать

фактором социалистического строительства. Для того чтобы таким фактором стать, само искусство и его представители должны встать на путь социалистической реконструкции, идеологического перевооружения. В процессе такой перестройки роль Трамва может быть очень велика. Одно только существование Трамва активизирует смежные участки профессионального искусства. Активная же работа Трамва окажет значительную, а может быть и решающую помощь в деле социалистической реконструкции искусства.

Независимо от помощи, которую Трам может оказать всей армии искусств, чрезвычайно вырастет роль Трамва во всей системе комсомольской работы. Убыванию доли своего внимания Трам должен перенести на предпринятие шахты, рудник. Там трамвайская песня, пляска помогут практически бороться за социализм.

Траму пять лет (и то только трамвайскому Мафусану — Дентраму, остальные еще молоды), и надо откровенно сказать: он развит не по годам. Впереди путь широкий и радостный, полный преодоления и побед. Трам находится только в начале этого пути, и мы уверены, что «первая ударная комсомольская бригада искусства» пройдет этот путь с доблестью и славою.

НАДО КОПНУТЬ ГЛУБЖЕ

Н. ТАУБЕ

О кинофильме «Настоящая жизнь»

Проблему «я и коллектив» — вопрос личной жизни комсомола, десятки раз рассмотренные на многочисленных диспутах, в литературных произведениях и газетных подборках — снова ставит экран. Содержание последнего фильма Белогоскино вкратце сводится к следующему.

Комсомолка Вера, активная ударница спичечной фабрики, выходит замуж за партийного журналиста Костю. В Косте ее привлекает большая культурность (показная за его рисовкой — пустота и несвежесть) в первую очередь и умение вести «красивую жизнь» (пресловутая настольная лампа с абжуром, изысканное франтовство и т. д.).

Любимая фраза Кости: «все срудиа. Комсомолец должен иметь личную жизнь».

Под влиянием этого обывателя, отошедшего в сторону от борьбы, ударница Вера покидает фабрику в «моя ответственная миссия» производственного прорыва, исключается из комсомола. И уже предоставленная сама себе дома, не имея никакого занятия, больше от скуки возвращается на фабрику, осознав свои ошибки, искренне желая их исправить.

Сценарист и постановщик фильма хотели в упор поставить вопрос: где «красивая жизнь»? Должна ли она сводиться к условиям семейного уюта, беззаботного «маленького счастья»? Или подлинная красота нашей жизни в борьбе коллектива за промфинансы, в походе против брака, в тысяче крупных и мелких дел нашей социалистической стройки?

Оттолкнувшись постановщики верно. Пожалуй впервые экран пытается поставить в правую связь личную жизнь и производственную борьбу коллектива. Но постановщики не сумели разоблачить так называемой «красивой жизни», показать ее пустоту и отсутствие всякой клас-

совой направленности, ее враждебную в действительности сущность. Вместо этого показана скука. А что если бы было весело — весело с точки зрения многоликих Костей? Тогда комсомолка Вера пожалуй не вернулась бы на фабрику... Но этот выход дезориентирует зрителя, он не разоблачает суть мещанской «красивой жизни» и ни к чему не обязывает.

Где же настоящая жизнь? Настоящая жизнь на производстве, в борьбе комсомолки фабрики с производственным прорывом — во первых, и в более или менее идеальном, с точки зрения постановщиков, времепрепровождения секретаря коллектива фабрики — во вторых... Главным образом разрешается это в фильме посредством надписей. Улыбается комсомолка — дается надпись о «букире», что-то говорит секретарь вейчки — оказывается, это пламенная речь о вредности конкуренции... Живых людей и живых дел в фильме нет.

Фильм не выявляет пафосом сегодняшней борьбы (постановщики умышленно работают на подтонах), действие разворачивается потрясающе спокойно... Отсюда дилем объективно

играет на-руку многоликим Костям, чьи лампы с абжуром и шелковые пижамы явно победили в фильме, тихо раздавив слабо развернутый производственный материал и «пафос» надписей.

Наконец постановщики не нашли соответствующего образа для того, чтобы действительно столкнуться с двумя жизнями — производственную борьбу и личную жизнь комсомолки Веры. Острые в драматургическом конфликте нет, да и самого конфликта пожалуй нет... Ушла ли Вера, вернулась ли — от этого нам еще ничего не изменилось. Действие развивается параллельно — с одной стороны, производственная борьба с другой — воинствующий мещанин Костя. Соприкосновения почти никакого нет, и прерывающая по существу идея искажается и бьет не туда, куда надо.

И еще: не пора ли перестать бить абжуром и рвать галстуки? Давайте искать мещанина, спрятавшегося в комсомортку, божажнеего оптом всеми томами Ленина и Маркса, ошенившегося читателем и «красивым» фразам. Давайте копнем глубже и поднимем тему в мещанстве на всю ее принципиальную высоту.

Надр из фильма «Настоящая жизнь».

ФОТО АППАРАТ —ОРУДИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

С. ЕВГЕНОВ

На страже буржуазной «дипломатии». Немецкий шутник.

Недавно посетила СССР пералл делегация немецких рабочих фотографов, членов «Всегерманского объединения рабочих фотографов». Для разоблачения буржуазной лжи о СССР делегация решила представить германским рабочим фотографический отчет о своей поездке. О том, что товарищи сумеют справиться со своей задачей, свидетельствуют фотоснимки, привезенные ими из Германии и рисующие быт и борьбу германских рабочих. Печатаем некоторые из этих снимков.

Немецкая комсомолка на демонстрации.

— Нет ничего суевернее фотографического объектива! — воскликнула в свой речи Хархин в СССР с пералл делегацией рабочих фотографов. И превосходно доказала свое утверждение. — Буржуазия жает, когда говорит, что фотоаппарат — это зеркало, которое отражает мир таким, каким он есть на самом деле. Буржуазия жает потому, что мир для огромного большинства его населения — это не те прекрасные женщины, не те великолепные пейзажи и торжественные парады, которые показывают буржуазные фотографы и фотопортрты капиталистической прессы.

Если фотоаппарат всегда беспристрастен, почему нам, пролетарским фотографам, с таким трудом удается снимать борьбу рабочего класса за переделку мира, почему наши товарищи всегда находятся под угрозой безработицы, под угрозой остаться не только без хлеба, но и без фотографических пластинок? Нет, фотоаппарат — это орудие классовой борьбы.

Вот почему полиция всех капиталистических стран ловит, арестовывает, штрафует рабочих-фотографов и фотопортретеров коммунистической прессы, повязанных с аппаратами во время выступлений и рабочих демонстраций. Вот почему шутники высококультурной Германии нередко расправляются с рабочими-фотографами так же, как кулаки в каком-нибудь захолустье села Кононерско, Буранского района, близ Семипалатинска. В этом селе кулаки, замешав фотокорреспондента, который пытался заснять нелепый поминальный обряд на кладбище, поймали, избили его, а фотоаппарат изломали. На мостовых привилегированного Берлина иногда тоже остается изуродованные камерами рабочих-фотолюбителей.

Значение фотографии как орудия классовой борьбы и классового воспитания, средства

развития укрепления международной пролетарской солидарности растет, растут во всех странах объединения рабочих-фотографов. Самое старое многочисленное и сильное из этих объединений — всегерманское, в котором 65 групп по различным городам Германии. Объединения и группы рабочих-фотографов имеются во Франции, Швейцарии, Чехо-Словакии, Норвегии, даже в Англии, даже в Америке. Характерен состав одной из американских групп, с которой держат связь советские и германские фотоорганизации: в ней 43 члена, в числе которых 24 японца, 12 американцев, 3 русских, 1 немец, 1 венгерец, 1 кореец и 1 негр — все рабочие от стамки, 12 коммунистов. Группа заслуженно именуется себя «интернациональным рабочим фотолюбом».

Рабочие-фотографы растут не только количественно, но и по качеству своей работы, они все острее и ярче разоблачают капиталистическую рационализацию, бедствия огромной армии безработных, важнейшие события революционной, пролетарской борьбы (так, немецкие товарищи составили обширные и превосходные серии снимков борьбы за победу коммунистического списка на последних выборах в рейхстаг, забастовки берлинских металлистов) и т. д. Рабочие-фотографы все лучше и лучше усваивают свои задания и свое место в общей революционной борьбе пролетариата. Преследования и насилие со стороны буржуазных властей все меньше и меньше на них действуют — только закаляют в борьбе, приучают быть еще более находчивыми, инициативными, ловкими.

На помощь буржуазным правительствам спешат услужливые социал-демократы, которые стараются разложить пролетарское фотодвижение изнутри. Видя огромный рост и успехи всегерманского коммунистического объ-

длинныя рабочих-фотографов, решив «заняться» фотографией прожженный предательский «Фрерс»: летом этого года он выходящим стал сколачивать свой «союз рабочих (?) фотографов», начал выпускать свой собственный фотожурнал, в котором пропагандирует пейзажную фотографию, призывает рабочих-фотографов в ряды «друзей природы». Социал-фашисты к счастью просчитались: запоздалый—революционный подъем немецких рабочих возрастает, всегерманское объединение рабочих-фотографов слишком окрепло, чтобы его можно было «переманить» от активного участия в классовой борьбе на мирное «дню природы».

Мы знаем, что пейзаж может быть прекрасен—завладевает немецкий рабочий-фотограф Н.,—но мы также хорошо знаем, что для нас еще не пришло время наслаждаться прекрасным, что не для нас пока что красоты германской природы, пусть их созерцает, отдыхая, немецкий буржуа, пусть усердием создает, а мы тем временем будем множить и крепить наши ряды для борьбы, для завоевания права наслаждаться красотами мира...

Развитие пролетарского фотодвижения можно было бы значительно усилить и получить от этого движения значительно больше, чем мы имеем, если бы этим движением больше интересовалась, руководила им, помогала ему революционная пролетарская печать всего мира.

Путь в широкие массы для рабочих-фотографов лежит через печать—это положение бесспорно. Также бесспорно, что рабочее фотодвижение может и должно стать мощным крылом рабселькоровского движения.

К сожалению редакции зарубежных коммунистических газет очень мало внимания уделяют рабочим фотокорам. Этого упрека заслуживает и наша советская печать. Ведь только во второй половине этого года наши советские фотоагентства «Унионфото» и «Пресскише» всерьез поставили перед собой задачу—быть проводниками советского и иностранного фотокоровского снимка в печать. Берлинское отделение «Унионфото» тесно связывается с немецкими рабочими фотографами. Но это только первый шаг, и этого слишком мало. Как могло бы развернуться и что могло бы дать пролетарское фотодвижение, если бы коммунистические газеты на Западе, да и наши советские группировали вокруг себя рабочих-фотографов, руководили и помогали им, давали выход в массы их лучшей продукции.

Мало, совсем недостаточно используются фотоснимки рабочих и для развития международных пролетарских связей. У нас зачастую рабкоровские организации ведут переписку с границей, не привлекая фотолюбителей своего предприятия. Не приходится доказывать, насколько возрастает действенность

Шуцманы разгонят рабочий митинг. Один из шуцманов удачно заснял в тот момент, когда он собирается ударить рабочего.

Характерная картина капиталистического «цветения». Жены безработных на рыночной площади роются в мусоре, чтобы найти пару костей для обеда.

письма за границу, сопровождаемого фотоллюстрациями, какую силу имеет фотоснимок, сопровождаемый подробной разъяснительной и пропагандирующей подписью. Мобилизуя сейчас, в связи с усилившейся подготовкой нападения на Союз Советов, все средства и силы

на укрепление обороноспособности Советской страны, в том числе и на укрепление международных пролетарских связей,—мы не имеем права пренебречь теми силами и средствами, которыми располагает международное пролетарское фотодвижение.

ТОВАРИЩИ ФОТОКОРЫ:

„Смена“ широко открывает свои страницы для ваших снимков.

Покажите в них рост и размах социалистического строительства, покажите, как бьется сегодня пульс ленинского комсомола, покажите, чем живет и дышит Страна Советов и ее рабочая молодежь.

СОЗДАВАЙТЕ ФОТОКРУЖКИ „СМЕНИ“!

Немецкий комсомолец агитирует при выборах в рейстаг за сексок компартик.

АМЕРИКАНСКИЙ ЮНОША-РАБОЧИЙ

ГАРРИ АЛЛАН ПОТЭМКИН

Над психикой американского молодого рабочего довлеют лозунги, ходовые понятия и измышления общества, пытающегося сопротивляться нажиму поднимающегося пролетариата.

Первое ходовое понятие, которое вдалбливается в голову пролетарского юноши, это: «каждый может стать президентом Соединенных штатов». Каждый... за исключением иностранцев, силовых иностранцев, негров, сареев, рабочих их сыновей, женщин, левак и вообще честных людей. Рабочий думает, что пролетарием стал он только потому, что не имеет нищитавым и достаточного образования. Обладая он большей решительностью и знаниями, убеждает его, он смог бы стать самородком, «человеком, который сам себя выдвинул», возмущающийся над толпой, сидящим на шее масс, вместо того, чтобы другие сидели на его шее.

Но никогда еще жизнь так не разбивала иллюзий, как теперь. Своим классовое разделение стало очень четким, и, несмотря на желание взять пулемет и драться со спиртоносцами, рабочий всегда остается эксплуатируемым и угнетаемым. Лозунг о «движущих силах, имеющих равные права», провозглашаемый каждым демократом и педагогом, начиная с Герберта Гувера, и рабочий, которому прожужжали уши этим лозунгом, не видит, что «движущие силы» — это кнут эксплуататора, а «равные права» — это его, пролетария, право голодать. Его одурачивает всякими иллюзиями о возможности сделать карьеру и обогатиться, чтобы он не осознал своего истинного положения, чтобы он не принял участия в классовой революционной борьбе.

Лживая пропаганда кино, где продавец обязательно выходит замуж за миллионера, где рабочий записывает сердце дочери богача, где убийца-контрабандист прославляется как герой и благодетель, заставляет молодого американского пролетария верить, что все так и есть на самом деле. Он пропитан фальшивыми истинами: «способного человека не затеряшь», «кто умеет, тот добьется своего». Он приписывает все успехи самородков индивидуальным качествам.

Все, что окружает юношу-рабочего, стремится скрыть от него реальность борьбы и эксплуатации. Джаз-банд, играющий модный танец, призывает к интенсивному расходу энергии, не находящей удовлетворения в общественной работе. Юноша выходит из танцевальных залов весь перемотанный джазом, оптимизмом и избытком сил. Танец вместо радости приводит только усталость. Сама музыка — дурман. Слова песенок смазывают острые углы жизни. Они толкуют о любви, которой не существует. Но юноши и девушки, сидящие в темноте залы кино, очаровываются лживой халтурной авто-рисунком, который звучит свою явную и воспевают любовь в затрепанных, миллион раз слышанных словечках.

Хотя американская рабочая молодежь умеет читать и писать, но в сущности она безграмотна. Вряд ли прочтет, например, в повимании значения, духа книг и явлений, а не только их видимость.

Рабочая молодежь читает иллюстрированные газеты, оставленные из лживых сенсационных фотографий и заголовков, вопиющих о «драмах буржуазного общества», убийствах из-за денег, кражах... Рассказы помещаются с таким расчетом, чтобы они как можно меньше касались повседневной жизни рабочего. Те редкие книги, что читает рабочая молодежь, — «справдливые рассказы о любви и счастье» с «сенсаульным содержанием». Эти глупую макулатуру стравляют подзаборные писки. Другие книги и журналы живописуют блестящую жизнь какой-нибудь кинозвезды. Литературные комментарии, нанизанные «звездочкой», чтобы делать их более значительными, рисуют «на жизнь» своих нанимателей. Хитрая авантюристка, всеми средствами пробирающаяся в «звезды экрана», превращается в книге в «робкое дитя пустыни». Молодая работница ищет в себе сходства с «робкой дитя пустыни», она не понимает разницы между тяжелой жизнью и настоящим пути к освобождению и счастью.

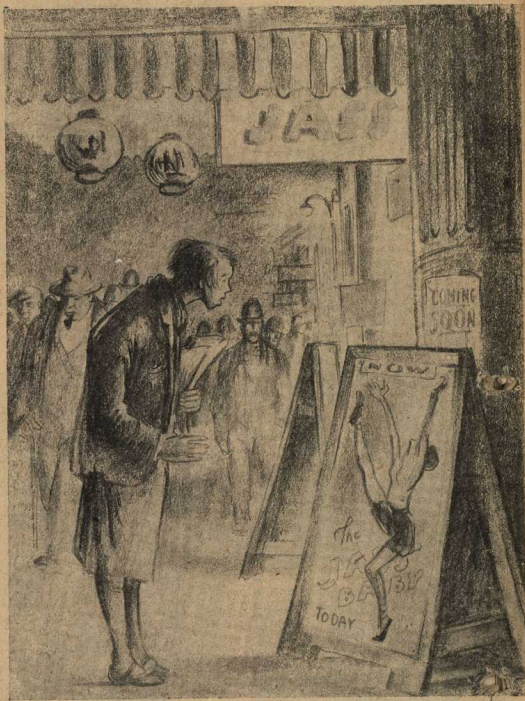
«Индивидуальность» — этот термин специально культивируется желтой печатью, по-

пулярной песенкой, кино; личность, индивидуальность — это ты. Глядя же, юноша, как ловко удается герою жениться на богатой наследнице, а девушке выйти за горного арабского шейха. При этом шейх никогда не бывает пожимым толстком, но всегда молодой красавец, мужчина во всех отношениях идеальный. И девушка, которой нанизывается все большее и большее сваллет зарплату, попадает в ловушку киноманов. То же самое и в спорте. Чемпионы представляют как незаурядную личность, чтобы отвлечь молодежь от действительности. Хорошего игрока продают и покупают как товар.

В Америке набегает всего, что напоминает действительность. Пророчества неба и света продаются, как предначертание судьбы и определение «личности». Шарлатаны сколачивают состояние, глядя по лживым рукам, по почерку, по датам рождения, выпуклости черепа, обещая жертвам скорую встречу с «темной женщиной», успех в жизни и «большое путешествие».

В действительности «встреча с темной женщиной» обращается в брак и усиление нищеты, а «большое путешествие» — в туберкулез и нервные заболевания.

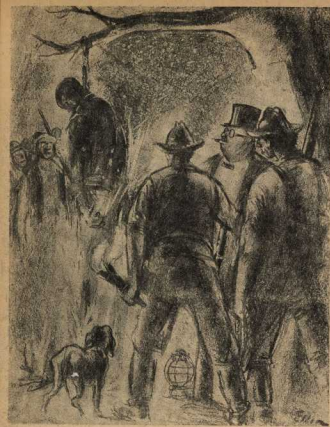
Если супруги, отказывая себе во всем, имеют возможность купить домишко, долго ли он будет принадлежать им? Дом покупают всегда в рассрочку, уплачивая лишь часть

Нью-Йорк. Блестящие обманы кино.

стоимости, скажем одну десятую, а остальные выплачивают помесично. Через несколько месяцев или лет уплаты наступает полоса банкротства; нет ни места, ни случайного заработка; нет денег; дом отбирают, и все выплаченные раньше деньги пропали. Если же не «посчастливилось» купить в рассрочку «свой домик, снимают комнаты. Может быть купит в рассрочку обстановку и мебель, но обязательно потеряют ее при ближайшем платеже: нет денег.

Но много есть в Америке рабочих, имеющих лучшие условия существования, и они стараются поддерживать все исключительное положение, оставляя голову профсоюзом и прижимая другие категории рабочих. При 10 миллионов безработных в эту зиму борьба за место так интенсивна, что зарплата все время падает, и рабочий должен трудиться явное больше, чтобы заработать свой минимум. Такова капиталистическая «рационализация». Рабочие фтордовских заводов не могут ни вложить, ни на мгновение оторваться от лент конвейера. Матери, кормящие грудью, не смеют остановиться, чтобы покормить ребенка. Мужчин у конвейера такая работа доводит до судорог и нервных болезней. А рабочих санитариев в Америке нет. Филантропия — штука тяжелая, а доктора дороги. Нет рабочих клубов с их бодрейшей товарищеской атмосферой. Зато до «капиталожогольного зако-

Личевание негра-рабочего.

— было множество кабачков. Тогда молодежь вела с гор. А теперь юноши отправляются в темные притоны самогонщиков, чувствуя себя героями детективных фильмов. Обиженные рабочие ташат последние гроши и покупают ядовитый спиртuous, от которого спешит и умирают. А иногда молодежь вовлекается в «спиртовую войну».

Я знал одного молодого электротехника, получавшего хороший оклад, но конечно недостаточный, чтобы вести роскошный образ жизни. Он с женой жил так, как живут средней руки городские рабочие. Он гордился тем, что его жена требует меховое манто. В Америке молодые женщины пойдут на все за меховое манто. Они покупают манто в рассрочку, становятся на целые годы рабами меховицки. А если безработица наступит до выплаты всей суммы, пропадают и деньги и манто... Меховые манто и шелковые чулки порабощают американских работниц.

Мой электротехник хотел, чтобы его жена была хорошо одета. Это послужит ему рекламой: люди будут его считать богатым. Как достались человеку деньги, неважно. Самое важное в Америке: «он богат». Он может красть и убивать, поджигать свой дом для получения страховой премии, может

Рабочие семейства выселяются из квартир.

избивать насмерть рабочих, если он достаточно умен, чтобы добиться своего», больше ничего и не требуется. Электротехник стал контрабандистом, начал продавать спирт. Купил автомобиль. У жены появилось меховое манто и шелковые чулки.

Молодой рабочий насильно пропитан предрассудками буржуазии. Правильный класс обостряет рознь между белыми рабочими и неграми, американцами и иностранцами. Эта рознь искусственно возбуждается во время обостренных классовых боев. Со мной в джее работало двое семнадцатилетних парней. Они прискакали с юга, Техаса, забитые, из сорта «белый хлам», они всю свою попку пропиляли. У нас на Севере бываю полисмены-негры. Ребята заявили, что скорее умрут, чем дадут негру арестовать себя. Они с восторгом рассказывали, как одного негра за непочтительность привязали к дереву и изрезали пулями. Вот из таких ребят и состоит толпа, одобряющая лич, созданный предпринимателями. Такие становятся солдатами империализма. Безработица гонит ребят в армию, девушкам толкает на проституцию.

Но в это темное царство проникает луч света. Слева охватившее только рабочих-иностранцев Нью-Йорка и больших городов оппозиционное революционное движение захватывает теперь и коренных американских рабочих. Против этого движения ополчились лидеры социал-фашистских профсоюзов. Но движение растет.

На юге, в стране личевания, коммунистическая молодежь организует в один союз белых и негров. В ответ предприниматели усиливают репрессии: лynch, тюрьма, электрический стул. Но сила солому ломит. Южные рабочие распевают песни классовой борьбы и негров зовут товарищами. В городах радикальная рабочая молодежь танцует с неграми и она же демонстрирует против империализма и белого шовинизма. При стачках она выставляет лозунги и бьет штрейкбрехеров. Она посещает рабочую школу, берет уроки классовой борьбы, познает законы социальных сил, методы объединения и борьбы на политическом и культурном фронтах.

Молодежь — ударная бригада компартии САШП; при колоссальной безработице в Америке она деятельно помогает партии нести в массы азбуку коммунизма. Она является той молодежью силой, при помощи которой коммунисты раскрепостят социальную творческую энергию угнетенных масс, очистят общество от буржуазных дурманов, обманов и пороков.

...е в рабочем районе.

НАК МЫШЬ РОДИЛА ГОРУ

Б. РОЗЕНЦВЕЙГА

В напряженную тишину зрительного зала падала шрапнель. Рвались снаряды, закипали воронки, солдаты шли в атаку с искаженными лицами, багровыми от порохового дыма и покрытыми растороном землей и кровью. Пестрые ленты национальных гимнов были промаршированы лучесными залпами и жалко висли в воздухе, как флаги судов, потерпевших крушение.

В эту самую минуту со второго яруса крупнейшего берлинского кинотеатра раздался кошачий концерт. И как бы в ответ на музыкальные в публику ринулась стая белых мышей.

Паника. Скандал. Свет. Мыши, испуганно пища, мечутся по зрительному залу, а почтенные немецкие биргеры, стоя на страже спокойствия своих дам, топчут их каблуками и с ловкостью опытных пикадоров стремятся прогнать их зонтиком. Наконец слово получает вождь национал-социалстов, «зрмой дымяло» Геббельс.

...Так началась самая горячая глава похода национал-социалистов против нашумевшего фильма «На Западе без перемеш». Мышь, пущенная фашистской бандой в зрительный зал, родила гору огромного политического и международного скандала. Правительство, печать, парламент, биржа и даже инвалиды войны — все проходили перед нами, все побывали тут.

Фильм, инсценированный по известному роману Ремарка, отличался только тем обсто-

тельством, что представляла войну в относительно неперипрашенном виде. «Война — не парад», — утверждали авторы фильма. Здесь летела не клюквенный цвет патриотизма, а горячая и подлинная человеческая кровь угнетенного класса. Германские фашисты сочли себя и Германию оскорбленными такой правдой войны. Они видели ли, наши, что постановщики уронили достоинство «родины» в окопную грязь. И вообще: как это в окопах нет паркета, и как это германский солдат смеет неуклюже носить винтовку штыком вниз, и как это на лице у него не радостная улыбка победителя, а наоборот, гримаса ус-

талости, отвращения и даже, — о ужас! — злобности. В столь жалкий для Германии час этот фильм, по мнению фашистов, стал свидетельством позора, новым пунктом версальского ярма.

Против национал-социалистов выступали писатели, буржуазия, бывавшая индифферентна поборниками. Им возражали действительные министры и министры, вышедшие в отставку. Защищая фильм, им тужали в нос свои шрамы участники мировой войны. И один из них в припадке ярости даже обозвал Геббельса малявкой и шиловагом, протирившим брюки на школьной скамье тогда, когда действительные участники войны гибли в окопах.

Все оказалось напрасным. Фильм был запрещен, несмотря на то, что он демонстрируется во всем «цивилизированном мире» (за исключением Польши, которая тоже запретила фильм). Благодаря фашистам Германия оказалась на черной доске цензурного иракосения. Впрочем за их спиной стояло также солидное мнение военного министерства, считавшего, что «фильмы должны изображать солдат, которые даже в моменты величайшей опасности сохраняют спокойствие и самообладание и радостно улыбаются».

После запрета фильма скандал запытал с новой силой и был окончательно переключен в сферу чистой политики. Германию взяла в штыки мировая печать. «Дейли Геральд» — официальное английское правительство — отказало Германии в моральных кредитах и вознес атаку на министра иностранных дел. Черносопелый «Морнинг Пост» поставил в пример Германии Люксембург, вся армия которого утучивалась в сметках этого фильма. «Танмрачно жевал старую погудку о «духе реншанса, царившем в Германии. Форенный етль несся над американской печатью. И «Нью-Йорк Таймс» воспользовавшись подпольным случаем — демонстрировала свою «левизну», высказывая из собственных брюк, «Фортвек» например предписал все проищенные под сполохным заголовком «Порражение Германия».

Из всего сказанного ясно, что самый фильм играет в этом деле третьестепенную роль. Национал-социалисты, идущие к власти в Германии, при прямом содействии правительства Бронинга, избрали этот фильм для того, чтобы дать бой всей буржуазной «демократии».

В Германии демонстрировались десятки картин, оскорблявших ее национальное достоинство не меньше, чем эта. Но опытные руки гугенберговских монтажоров неизменно превращали их в спокойную патристическую идиллию.

Фашисты давно уже хотели померяться силами с «республиканской демократией», превратив ее в плавательный для собственных орасторских угражений.

Запрещение фильма означает только победу итти на фашистский переворот.

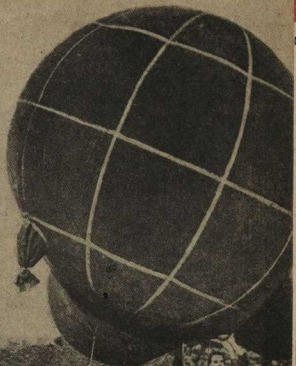
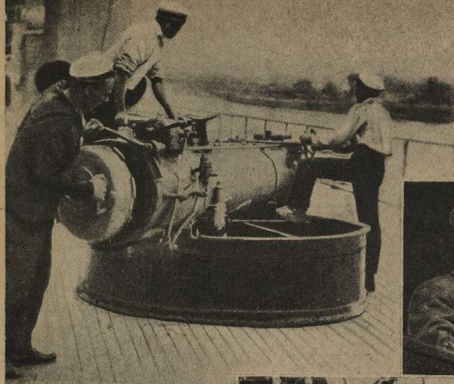
Об этом было сказано во всеслушавание перед лицом всего мира. Не даром в кулуарах английского парламента говорят не о Ремарке, а о Гитлере. Не даром «Манчестер Гардиан», нападая в переводе на «цензуру Линча», посвящает передовую «возрождению немецкого империализма». Запад киноленты перешибается запахом пороха, и в этом весь секрет!

Мелкая и средняя буржуазия Германии, ее печать, ее писатели и художники еще грозно машут кулаками. Они орут на министров, они заставляют прусского премьера — социалдемократа Брюна произнести дуде в раздирающую речь. Наконец они осмелели напомянить муниделу Курциусу, что он не выступает в рейхстаге по вопросам внешней политики только потому, что боится фашистов.

Все напрасно. «Только тихо, только тихо», — успокаивает фашистов правительство. То время, как они пинком ноги сбрасывают рейхстага Фашистская диктатура надвигается гигантскими шагами. И, как весьма правильно заметил умнейший буржуазный журналист Теодор Вольф, «ежедневный и животный страх, который охватывает восемнадцатилетних повобранцев в тот момент, когда они впервые попадают под обстрел, не повредит репутации Германии. Зато весьма повредит ее репутации такой состав правительства, в котором министерские брюки давным-давно полны и пахнут весьма неважно».

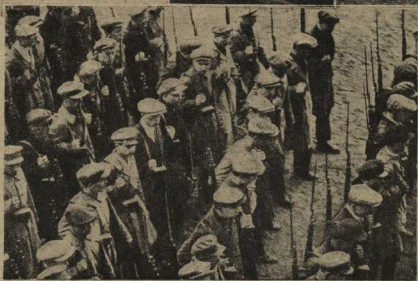
Что не соответствует национальной немецкой гордости. Буржуазия считает, что «германские солдаты никогда не пьют» и «ни при каких обстоятельствах не появляются обнаженными перед женщинами». Эти и другие кадры фильма «На западе без перемеш» вылились поводом и запрещению его.

НАНАЗ НАРНОМА

(из речи Н. Е. Ворошилова на IX съезде ВЛКСМ)

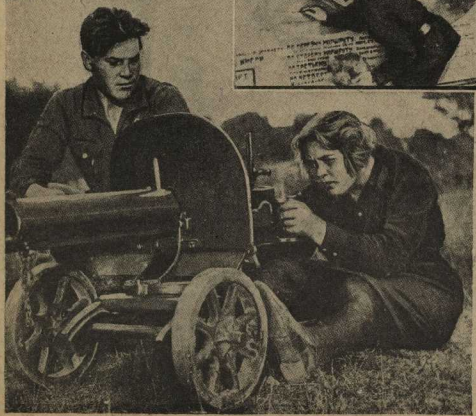
...Моя обязанность еще раз напомнить вам, что вопросы обороны государства во всей гражданской нашей исторической работе являются важнейшими узловыми вопросами. Будучи загружены до отказа повседневными нашими заботами, конкретно не ведя войны, о которой мы говорим в течение десяти лет, мы слышать и читать отрываемся только разговоры об обороне, а то в торжественных случаях. Хочу, чтобы с этого, IX съезда в среде комсомола наступил действительный перелом и комсомол занялся бы вопросами обороны по-настоящему, по-ленински.

ГОТОВЫ ЛИ МЫ СТАТЬ ПОД РУЖЬ

(Из доклада А. Новикова на IX съезде ВЛКСМ)

...Будущая война — война классовая. Пока время, каждая комсомолка, каждый молодой человек должны использовать тренировку тела, как подготовку классового воюга в открытые ее на фронтах будущей гражданской войны. Каждый шаг жизни, каждый шаговой поворот, каждая шаговая доля не отклоняться, а научатся прыгать, выносливо; должны иметь привычку классно уметь участвовать и побеждать в боях!

авлит № А—89023 Стат Б4 250×353, мм. М. Г. 29. 4¹/₂ печ. л. Отпеч в 7-й тип.
скра Революции" Мосполиграф, Москва, Албат, Филипповский пер., 13. З. Т. 33.

ФОТО А. РОДЧЕНКО

